

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*	Микробиология*
Агрохимия	Микроэлектроника*
Азия и Африка сегодня	Мировая экономика и международные отношения
Акустический журнал*	Молекулярная биология*
Алгебра и анализ	Наука в России
Астрономический вестник*	Научное приборостроение
Астрономический журнал*	Нейрохимия*
Биологические мембраны*	Неорганические материалы*
Биология внутренних вод*	Нефтехимия*
Биология моря*	Новая и новейшая история
Биоорганическая химия*	Общественные науки и современность
Биофизика*	Общество и экономика
Биохимия*	Океанология*
Ботанический журнал	Онтогенез*
Вестник РАН*	Оптика и спектроскопия*
Вестник древней истории	Палеонтологический журнал*
Вестник Южного научного центра	Паразитология
Водные ресурсы*	Петрология*
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Астрономический журнал*
Вопросы ихтиологии*	Письма в Журнал технической физики*
Вопросы философии	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Вопросы языкознания	Поверхность*
Восток	Почвоведение*
Вулканология и сейсмология*	Приборы и техника эксперимента*
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*	Прикладная биохимия и микробиология*
Генетика*	Прикладная математика и механика
Геология рудных месторождений*	Природа
Геомагнетизм и аэрономия*	Проблемы Дальнего Востока
Геоморфология	Проблемы машиностроения и надежности машин*
Геотектоника*	Проблемы передачи информации*
Геохимия*	Программирование*
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Психологический журнал
Государство и право	Радиационная биология. Радиоэкология
Дефектоскопия*	Радиотехника и электроника*
Дискретная математика	Радиохимия*
Дифференциальные уравнения*	Расплавы
Доклады Академии наук*	Растительные ресурсы
Журнал аналитической химии*	Российская археология
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российская история
Журнал вычислительной математики и математической физики*	Российский иммунологический журнал
Журнал неорганической химии*	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал общей биологии	Русская литература
Журнал общей химии*	Русская речь
Журнал органической химии*	Сенсорные системы
Журнал прикладной химии*	Славяноведение
Журнал технической физики*	Социологические исследования
Журнал физической химии*	Стратиграфия. Геологическая корреляция*
Журнал эволюционной биохимии и физиологии*	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал экспериментальной и теоретической физики*	Теоретическая и математическая физика
Записки Российского минералогического общества	Теоретические основы химической технологии*
Земля и Вселенная	Теория вероятностей и ее применение
Зоологический журнал	Теплофизика высоких температур*
Известия РАН. Механика жидкости и газа*	Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
Известия РАН. Механика твердого тела*	Успехи математических наук
Известия РАН. Серия биологическая*	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия географическая	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика Земли*
Известия РАН. Серия математическая	Физика и техника полупроводников*
Известия РАН. Серия физическая*	Физика и химия стекла*
Известия РАН. Теория и системы управления*	Физика металлов и металловедение*
Известия РАН. Физика атмосферы и океана*	Физика плазмы*
Известия РАН. Энергетика	Физика твердого тела*
Известия русского географического общества	Физикохимия поверхности и защита материалов*
Исследование Земли из космоса	Физиология растений*
Кинетика и катализ*	Физиология человека*
Коллоидный журнал*	Функциональный анализ и его применение
Координационная химия*	Химическая физика*
Космические исследования*	Химия высоких энергий*
Кристаллография*	Химия твердого топлива*
Латинская Америка	Цитология*
Лесоведение	Человек
Лёд и Снег	Экология*
Литология и полезные ископаемые*	Экономика и математические методы
Математические заметки*	Электрохимия*
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение*
	Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

Номер 4

Октябрь–Ноябрь–Декабрь
2014

ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>

“НАУКА”

ISSN 0869-6063 Российская археология, 2014, № 4

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ • № 4 • 2014

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ РАСКОПОК НА ГОРОДИЩЕ ТАХТИ-САНГИН

Редакционная коллегия журнала «Российская археология» решила издать в форме единого блока подборку из трех статей, посвященных некоторым новым результатам раскопок на городище Тахти-Сангин (Южный Таджикистан). Как хорошо известно, данный памятник с 1976 по 1991 г. был основным объектом исследований археологической экспедиции, руководимой выдающимся исследователем прошлого Центральной Азии Б.А. Литвинским (непосредственно вел раскопки на этом памятнике И.Р. Пичилян). Распад СССР и разразившаяся в Таджикистане гражданская война сделали невозможным продолжение археологических исследований Тахти-Сангина.

Однако полученные в результате этих работ материалы и наблюдения столь важны и ярки, что для всех специалистов совершенно ясно, что для понимания истории Центральноазиатского региона в античную эпоху данный памятник имеет огромное значение, которое можно сравнить со значением результатов раскопок на городище Ай Ханум. Важнейший итог исследований Тахти-Сангина – публикация трех томов финального отчета (Литвинский, Пичилян, 2000; Литвинский, 2001, 2010), не говоря об огромном числе предварительных статей, подготовленных либо совместно Б.А. Литвинским и И.Р. Пичиляном, либо каждым из них в отдельности.

Естественно, что выводы, к которым приходили авторы, встречали различную оценку. Укажем только, что Французская академия надписей и изящной словесности присудила Б.А. Литвинскому премию имени Р. Гиршмана за два первых тома финального отчета, а Российская академия наук – премию имени С.Ф. Ольденбурга. Вместе с тем наряду с восторженными откликами встречаются и критические замечания по отдельным конкретным вопросам, что и естественно¹.

В последнее время, однако, в дискуссиях появились и некоторые новые нюансы. Они связаны с деятельностью бывшей ученицы Б.А. Литвинского – А.П. Дружининой. Перебравшись из Душанбе

в Германию, она сумела добиться определенного финансирования и возобновила раскопки на городище Тахти-Сангин под эгидой Немецкого археологического института. Появление в печати предварительных отчетов о раскопках, осуществлявшихся А. Дружининой, стало поводом для некоторых молодых исследователей, мало знакомых с реальной ситуацией, для критики Б.А. Литвинского. Так, М. Шенкар (Shenkar, 2012) упрекает его за то, что он в своих исследованиях не использует результаты раскопок А. Дружининой, видя причину этого в чисто личном чувстве обиды. Думается, что этот упрек не совсем справедлив. Естественно, что обида присутствовала. Достаточно прочитать общедоступную информацию, например интервью в связи с открытием в Манхейме выставки, посвященной Александру Македонскому, где А. Дружинина представляет себя как единственного открывателя (!) Тахти-Сангина, а 15 лет работ большого коллектива ученых вообще не упоминаются. Видимо для такого явления нет даже подходящего названия. Это – действительно интеллектуальный грабеж на глазах всего мира. Однако Б.А. Литвинский не учитывал результаты раскопок А. Дружининой по совершенно иным причинам. Он об этих причинах и писал (в достаточно мягкой форме)², при личном же общении он был более категоричен: «Как я могу ссылаться на результаты, когда я совсем не уверен, что А. Дружинина хоть что-то поняла в памятнике»³.

Справедливость подхода Б.А. Литвинского показали последующие события. В ходе раскопок 2004 и 2007 гг. во дворе храма Окса были обнаружены верх-

² «А. Дружинина, аспирантка Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана, еще не имела никакого опыта раскопочных работ, ей нельзя было дать самостоятельный объект для раскопок, и ей поручили заниматься керамикой» (Литвинский, 2010. С. 3. Прим. 4).

³ Хочется отметить еще один смешной упрек. М. Шенкар в той же самой рецензии упрекает Б.А. Литвинского в том, что он остается на своих старых позициях относительно функций и датировки храма Окса и не учитывает новейших исследований по проблеме. При этом в качестве новейшей литературы упоминается только (!) его собственная статья (Shenkar, 2007). Поражает, с какой легкостью отвергаются результаты детальнейших исследований двух замечательных специалистов и противопоставляется им собственная, в сущности, ученическая работа в качестве образца для подражания.

¹ Среди работ самого последнего времени, в которых детально обсуждаются проблемы Тахти-Сангина, необходимо, кажется, особо упомянуть статью А.-П. Франкфора (Frankfort, 2013).

ние части глиняных форм для отливки бронзовых котлов, на венчике которых находились фрагменты греческой надписи (в негативной форме). Конечно, подобное открытие вызвало огромный интерес в силу чрезвычайной редкости находок эпиграфических документов. На территории храма до того была сделана только одна находка подобного характера – знаменитый вотив Атросока. Но именно это открытие ярчайшим образом показало и уровень подготовки, и моральные принципы А. Дружининой. Совершенно не зная древнегреческого языка, она, тем не менее, берется за издание этой надписи (Drujinina, 2008; Дружинина, 2009)⁴. Детальный анализ документа несколько позднее представил А.И. Иванчик (Иванчик, 2011; Ivantchik, 2013)⁵.

Данные находки, тем не менее, продолжают вызывать много вопросов (что и естественно), и Редколлегия журнала решила предоставить слово трем специалистам, которые с различных позиций рассматривают их. Мы надеемся, что дискуссия не только об этих артефактах, но и в целом о памятнике будет продолжена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дружинина А.* Находка посвятельной надписи из храма Окса // *Наследие предков*. 2009. № 12. С. 191–195.
- Иванчик А.И.* Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // *ВДИ*. 2011. № 4. С. 110–131.
- Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Вост. лит., 2001. 526 с.
- Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Вост. лит., 2010. 664 с.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1: Раскопки, архитектура, религиозная жизнь. М.: Вост. лит., 2000. 503 с.
- Drujinina A.* Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // *AMIT*. 2008. Bd. 40. S. 121–135.
- Francfort H.-P.* Ai Khanoum “temple with indented niches” and Takht-i Sangin “Oxus temple” in historical cultural perspective: outline of a hypothesis about the cults // *Parthica. Incontri di culture nel mondo antico*. 14. 2012. Pisa; Roma, 2013. P. 109–136.
- Ivantchik A.I.* Neue griechische Inschriften aus Takht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftlichkeit // *Zwischen Ost und West. Neue forschungen zum antiken Zentralasien* / Hrsg. G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2013. S. 125–142.
- Rougemont G.* Inscriptions grecques d’Iran et d’Asie centrale. L.: School of Oriental and African Studies, 2012. (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part II: Inscriptions of Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia). 326 p.
- Shenkar M.* Temple architecture in the Iranian world before the Macedonian Conquest // *Iran and the Caucasus*. 2007. 11. P. 169–194.
- Shenkar M.* On the Temple of Oxus in Bactria, III (Review article) // *Studia Iranica*. 2012. V. 41. P. 135–142.

От имени и по просьбе Редколлегии
Г.А. Кошеленко

⁴ Подробнее об этом см. в статье А.С. Балахванцева.

⁵ См. также: Rougemont, 2012. P. 274, 275. № 96 bis. См. замечания П. Бернара там же (P. 276).

ЗАМЕТКИ О БАКТРИЙСКОЙ КЕРАМИКЕ (К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ЛИТЕЙНОЙ ФОРМЫ БРОНЗОВОГО КОТЛА ИЗ ХРАМА ОКСА, ТАХТИ-САНГИН)

© 2014 г. С.Б. Болелов

Государственный музей искусства народов Востока, Москва (BSB1958@yandex.ru)

Ключевые слова: *Бактрия, Тахти-Сангин, Кампыртепа, эллинистический керамический комплекс, юэчжуйско-бактрийский керамический комплекс, литейная форма, столовая посуда, чаши, кубки, «рыбные блюда».*

The article considers a ceramics complex which was found in the settlement Takhti-Sangin together with a unique clay cast for moulding bronze cauldrons. The researches have dated the complex back to the first half of the 2nd century BC. However, as the detailed analysis of the vessels' fragments from the complex shows, it is not simultaneous. On the whole, on the basis of numerous analogues it can be dated in the frames of the 3rd century BC – the first quarter of the 2nd century AD. As ceramics, the same as the cast form was found in the trash layers, such a diverse in time ceramic complex cannot be a basis for more precise dating of a cauldron casting.

Последняя треть IV в. до н.э. – начальный этап коренных изменений не только в художественной, но и в материальной культуре Среднего Востока, которые стали следствием походов Александра Великого. Эти изменения отчетливо проявляются в самом массовом археологическом материале – керамике.

Если рассматривать керамическое ремесленное производство как подсистему палеоэкономической системы историко-культурного региона, можно выявить определенные закономерности процесса формирования керамического комплекса. Как представляется, на его становление и развитие влияло несколько факторов, как внешних, так и внутренних.

Один из основных внутренних факторов – развитие технологии гончарного производства на определенной территории (более технологически совершенные конструкции обжигательного горна, усовершенствование режима обжига, появление гончарного круга быстрого вращения и т.д.). Значительное влияние на становление и стабилизацию керамического комплекса оказывали процессы централизации и политической консолидации в пределах области. Возникновение государственного образования и как следствие – единого внутреннего рынка оказывало значительное влияние на стандартизацию продукции керамического производства (Болелов, 1999; Калалы-гыр 2..., 2004.

С. 147). Примером такой модели служит древне-хорезмийский керамический комплекс конца IV – III в. до н.э., который формируется в результате развития керамической традиции предыдущего периода (Калалы-гыр 2..., 2004. С. 147).

Внешний фактор, влияющий на формирование керамического комплекса, – привнесение извне на территорию области принципиально новых технологий и вследствие этого новых керамических форм. Это могло происходить двумя путями.

Первый – миграции на территорию области больших групп иноэтничного населения, сохранявшего на протяжении некоторого периода времени свою керамическую традицию, проявлявшуюся в способе формовки керамических сосудов, обработке внешней поверхности и видах орнаментации. Изменения прежде всего наблюдаются в домашнем керамическом производстве. Пример подобной модели – раннесредневековый комплекс кердерской культуры в низовьях Амударьи, керамика которой напрямую связана с керамической традицией джетысарской культуры низовьев Сырдарьи (Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008. С. 187–189; Неразик, 2013. С. 34–37).

Второй – это миграция или, скорее, инфильтрация на территорию области небольших групп населения, в основном профессиональных ремесленников – носителей передовых технологий. В этом случае фиксируются изменения в группе гончар-

ной и прежде всего столовой посуды. Появляются новые формы, никак не связанные с предыдущей керамической традицией, новые приемы орнаментации и обработки внешней поверхности сосудов. Пример такой модели формирования комплекса – распространение на территории Хорезма керамики типа Яз II-III (Болелов, 2004. С. 52, 53).

Практически никогда упомянутые выше модели не реализуются, если можно так сказать, в “чистом виде”. В одном случае преобладают формы и типы посуды, представляющие собой развитие более ранних прототипов, связанных с местной керамической традицией; четко выделяются формы, появившиеся на территории региона или в процессе культурных и экономических связей, или в результате прямого импорта. В другом случае определяющую роль играют внешние факторы; связь с предыдущим комплексом прослеживается лишь по отдельным формам сосудов.

Керамический комплекс эпохи эллинизма на территории южных областей Средней Азии, безусловно, формировался на местной основе, но под мощным воздействием греческой керамической традиции (Шишкина, 1974, 1975; Пугаченкова, 1979. С. 189; Пугаченкова и др., 1978. С. 158–160; Литвинский, Седов, 1983. С. 123–129).

Нижней хронологической границей появления на территории Среднеазиатского Междуречья форм греческих сосудов считается последняя треть IV в. до н.э. – время среднеазиатских походов Александра Великого. Однако вряд ли посуда, изготовленная по греческим образцам, появилась на территории южных областей региона сразу же после того, как армия форсировала Окс. Учитывая археологические данные, следует признать, что эллинистический керамический комплекс формируется на территории Северной Бактрии в самом конце IV или начале III в. до н.э.

На трех памятниках: Джига-тепе (нижний слой) (Пидаев, 1984. С. 113), Курганзол (период 1) (Сверчков, 2007. С. 35), Гыш-тепа (верхний строительный горизонт) (Мокробородов, 2007. С. 148–153) выявлены комплексы так называемого переходного типа, которые традиционно датируются самым концом IV в. до н.э. На Курганзоле эта дата подтверждается данными радиоуглеродного анализа (Сверчков, 2007. С. 61, 65, 66). Во всех комплексах преобладают формы сосудов, генетически связанные с предыдущим, позднеахеменидским периодом: полусферические плоскодонные чаши, приземистые плоскодонные кубки с округлым туловом (“кубкообразные” горшки по Пидаеву), лепные кувшиновидные сосуды без ручки со сравнительно широкой горловиной и сильно покатыми плечика-

ми. Как характерную особенность всех этих комплексов можно отметить полное отсутствие в них чаш с заостренным в нижней части “клювовидным” венчиком (“рыбные блюда”), цилиндроконических кубков на дисковидном поддоне. В то же время в них присутствуют полусферические чаши с резко отогнутым наружу, уплощенным по верхней горизонтальной плоскости верхним краем (чаши с “Г-образным” венчиком).

Наиболее отчетливо греческая керамическая традиция прослеживается прежде всего в формах столовой посуды. В то же время формы кухонных, хозяйственных и тарных сосудов генетически связаны с бактрийской традицией. Это вполне объяснимо, так как столовая посуда изготавливалась профессионалами ремесленниками. Гончары реагировали на спрос потребительского рынка и в определенной степени следовали моде. Уже при Александре Великом и особенно в период вхождения Бактрии в державу Селевкидов на территории области появляется греческое население (Тарн, 1949. С. 131–147; Ставиский, 1978. С. 205–207; Кошеленко, 1979. С. 131–160; Пичикян, 1991. С. 120–126; Фрай, 2002. С. 184–198; Попов, 2008. С. 44–49). Греки могли принести с собой посуду с далекой родины. В этот же период значительно увеличивается спрос на керамику, изготовленную в подражание греческим образцам. На территории Трансоксианы появляются “рыбные блюда”, полусферические чаши с Г-образным и Т-образным венчиком, кратеровидные сосуды, леканы, известны находки асков и т.д.

Типология среднеазиатской эллинистической керамики подробно разработана в археологической литературе, и основные положения предложенной классификации в общем не вызывают серьезных возражений (см., например: Gardin, 1973; Шишкина, 1975; Литвинский, Седов, 1983; Седов, 1984; Lyonnet, 1997. С. 122–172; Ртвеладзе, Болелов, 2000). Однако следует заметить, что все эти формы, если можно так сказать, “несколько варваризированы” и не являются прямой копией греческой посуды. Возможно, прав Л.М. Сверчков, который предположил, что эллинистический комплекс “ай-ханумского типа” сложился где-то на Среднем Востоке от Ирана до Афганистана и уже в готовом виде появился на территории к северу от Амударьи (Сверчков, Восковский, 2006. С. 27). Следует только заметить, что это относится прежде всего к столовой посуде. Возможно, среди греков, мигрировавших в восточные сатрапии Селевкидского государства, были гончары, о чем свидетельствует конструкция некоторых обжигательных горнов – округлые двухъярусные горны с опорным столбом

в топочной камере (Болелов, 2001. С. 21, 22; 2010). Эти ремесленники и формовали посуду, которая была им хорошо известна на родине.

Эллинистический керамический комплекс бытовал на территории Бактрии, по крайней мере, на протяжении 200 лет (III–II вв. до н.э.). Однако морфологические и параметрические характеристики форм и типов столовой посуды остаются практически неизменными в течение всего этого периода. В силу этого обстоятельства весьма затруднительно определить типы сосудов или типобразующие признаки, которые можно было бы считать “хронологическими индикаторами” для разных этапов эллинистического периода.

По археологическим материалам выделяется комплекс последующего юэчжийско-бактрийского периода, формирование которого обычно относится к концу II – началу I в. до н.э. (Массон, 1976. С. 10, 11; 1986; Пидаев, 1978. С. 88–91). В это время значительно изменяется облик керамики на территории Северной Бактрии в целом. Изменения фиксируются как в морфологии, так и в технологии изготовления сосудов. Например, появляются новые формы сероглиняной посуды (Пидаев, 1976. С. 73; 1987. С. 89–91; Мкртычев, Болелов, 2006. С. 54). Таким образом, конец II в. до н.э. следует считать верхним хронологическим пределом бытования “классического” эллинистического комплекса на территории Бактрии, однако о полном исчезновении греческой традиции в керамическом производстве говорить не приходится. Некоторые формы столовой посуды в более поздних комплексах (юэчжийско-бактрийский, кушано-бактрийский) явно восходят к эллинистическим образцам (Болелов, 2009. С. 68–77).

В культурных слоях эллинистического периода найдено немного четко стратифицированных селевкидских и греко-бактрийских монет, поэтому относительная и абсолютная хронология этого периода основана на стратиграфических данных и сравнительном анализе керамических комплексов (см., например: Сверчков, 2006). В последние годы на территории Северной Бактрии получены археологические комплексы эпохи эллинизма, абсолютная датировка которых основана на нумизматических данных, результатах радиоуглеродного и коллагенового анализов. Это комплекс из раскопок крепости Курганзол (Swertschkov, 2010) и комплекс, полученный в результате раскопок цитадели Кампыртепа. По стратиграфическим данным на ранней стадии существования Кампыртепа выявлено четыре основных периода, которые по нумизматическим данным и результатам радиоуглеродного анализа датируются в пределах последней четверти IV – первой половины II в. до н.э.: период КТ-I –

последняя четверть IV в. до н.э.; период КТ-II – первая половина III в. до н.э.; КТ-III – вторая половина III в. до н.э.; КТ-IV – первая половина II в. до н.э. (Болелов, 2011).

Эллинистические культурные слои залегают практически горизонтально, не нарушены поздними ямами и перестройками. Благодаря этому в культурном слое каждого этапа удалось выявить несколько относительно разновременных керамических комплексов. Например, в слое КТ-III мощностью немногим менее 2 м выделено шесть относительно разновременных комплексов. На памятнике получена полная стратиграфическая картина накопления культурных слоев эллинистического периода, при этом четко определены хронологические границы каждого строительного горизонта. Сверху они перекрываются строительным горизонтом юэчжийско-бактрийского периода.

Эллинистический керамический комплекс из цитадели крепости можно считать эталонным, во всяком случае для античных памятников Северной Бактрии. На основании сравнительного анализа керамики Кампыртепа с другими памятниками региона можно несколько скорректировать не только относительные, но и абсолютные датировки эллинистических керамических комплексов Бактрии, полученных в ходе раскопок.

В настоящей статье в свете данных об эллинистической керамике, введенных в научный оборот в последние годы, рассматривается керамический комплекс, сопутствующий уникальной находке из храма Окса на городище Тахти-Сангин – фрагменты глиняных форм для отливки бронзовых котлов, на венчиках по крайней мере трех из них сохранились вырезанные по сырой глине греческие надписи (Дружинина, 2005. С. 88–91; Drujinina, Boroffka, 2004. P. 61; Drujinina, 2008; Alexander..., 2010. S. 366. Kat. 263).

В южной части теменоса храмового комплекса было открыто полуподземное помещение (полужемлянка?), вырубленное в материковом слое и ориентированное по оси В–З. Спуск в него был с запада, где выявлены ступени. По всей видимости, это сооружение относится к одному из начальных этапов функционирования храма. По мнению исследователей памятника, здесь была мастерская по изготовлению крупных бронзовых предметов, что вполне допустимо, учитывая приведенные в публикациях аналогии (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 51–54; Иванчик, 2011. С. 111). Видимо, здесь можно провести параллель с культовым центром Калалы-гыр 2, где на территории храмовой части были открыты следы бронзолитейного и кузнечного производств, работавших в вырубленных в мате-

риковом грунте котлованах только в период строительства. После его окончания производственные сооружения были частично срублены, котлованы засыпаны и перекрыты слоями плотной глины (Калалы-гыр 2..., 2004. С. 148–151).

Такую же ситуацию можно предполагать и на Тахти-Сангине, однако, как следует из публикаций, на уровне нижнего пола сооружения следы производства не зафиксированы, и о назначении его на первом этапе существования остается только догадываться. Стратиграфическая ситуация в раскопе (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 52. Рис. 5, 3) однозначно свидетельствует о том, что полуземлянка постепенно заполнялась строительным мусором, камнями, разбитыми подношениями (?), а также производственными остатками в виде фрагментов литейных форм, медных шлаков и т.д. По сути – это отходы производства, накопившиеся в течение времени. Никакие производственные очаги или конструкции, связанные с бронзолитейным производством, непосредственно в пределах помещения не обнаружены. Этот факт свидетельствуют о том, что на цитадели Тахти-Сангина функционировало бронзолитейное производство, где изготавливали крупные бронзовые котлы. Однако место расположения этого производства пока не обнаружено.

Среди фрагментов литейных форм выделяется одна (форма № 2), на внутренней стороне которой полностью сохранилась греческая надпись (Дружинина, Иганаки, 2009. С. 103–105; Дружинина и др., 2010. С. 192–199). Как следует из не совсем внятного описания условий находки, фрагменты глиняной формы залегали в “наслоениях многочисленных культурных слоев (sic!) толщиной 40 см, в которых были собраны закрытые комплексы греко-бактрийского времени”. “Наслоения” перекрывались слоем глины, содержавшей остатки деятельности предыдущих раскопок и керамику. В этом слое обнаружена позднекушанская монета (Дружинина, 2005. С. 90, 91). Литейная форма найдена в верхних мусорных слоях заполнения подземного помещения. Как это видно по чертежу, она зафиксирована в яме, спущенной сверху: по А.П. Дружининой слой VIa, прорезающий слой IX (Дружинина и др., 2010. С. 212. Рис. 7. Разрез В–В'). Дата объекта по ^{14}C определена в пределах 166–46 гг. до н.э. (Кубавара, 2010. С. 217–219).

Мусорные слои полуземлянки перекрываются полом теменоса (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 52); остается неясным, каким именно. В пределах теменоса выявлено три относительно разновременных уровня пола. Самый ранний – глиняная обмазка уровня материка толщиной не более 3–5 см соответствует периоду строительства стен темено-

са – IV–II вв. до н.э. Уровень второго пола, соответствующий первому крупному разрушению храма, зафиксирован на 10–15 см выше уровня материка. Он датируется II–I вв. до н.э. по находкам обола Герая и монеты Евкратиды. Этот пол перекрывается слоем натеков толщиной 40 см, на который был положен третий пол – свита глиняных обмазок толщиной 13 см (следует заметить, что в публикациях А. Дружининой эти полы и слой натеков никак не отмечены), относящийся к последнему периоду существования храма – II–III вв. н.э. (Литвинский, Пичилян, 2000. С. 121–125, 182–184).

В ходе раскопок алтарно-башенного сооружения № 2, расположенного в северо-западном углу теменоса, выявлено девять строительных периодов и шесть уровней пола внутри помещения (Пичилян, 1989. С. 177–194). Комплекс керамики из этого сооружения – единственный опубликованный, четко стратифицированный керамический комплекс Тахти-Сангина – датируется в пределах I в. до н.э. – III в. н.э. Керамика с нижних полов – кушано-юэчжийским периодом, I в. до н.э. – I в. н.э. (Керзум, 1989).

А.П. Дружинина, опубликовавшая фрагменты литейной формы, игнорируя верхнюю хронологическую границу указанной выше радиоуглеродной даты, датировала находку второй четвертью II в. до н.э. Комплекс керамики, который, по ее мнению, представляет собой “закрытые комплексы греко-бактрийского времени” и только подтверждает эту датировку (Дружинина, 2005. С. 90; Дружинина и др., 2010. С. 192). В последней публикации эта дата была несколько скорректирована в сторону омоложения – не ранее середины II в. до н.э., возможно даже несколько позднее (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 56).

Надо сказать, что столь узкие датировки комплексов эллинистической керамики не могут быть приняты, тем более что калиброванная дата радиоуглеродного анализа дана с интервалом 120 лет, 166 BC (95.4%) – 46 BC (Кубавара, 2010. С. 219).

Выше уже отмечалось, что бактрийский эллинистический комплекс отличается чрезвычайной стабильностью, особенно это касается столовой посуды. Набор основных форм и типов столовой керамики бытует практически без изменений на протяжении всего эллинистического периода. Учитывая это обстоятельство, иногда вызывает некоторое недоумение предлагаемые датировки керамических комплексов в пределах четверти века только на основании морфологических или декоративных признаков. Принимая во внимание соображения, изложенные выше, датировка комплекса керамики, найденной на Тахти-Сангине вместе с литейными

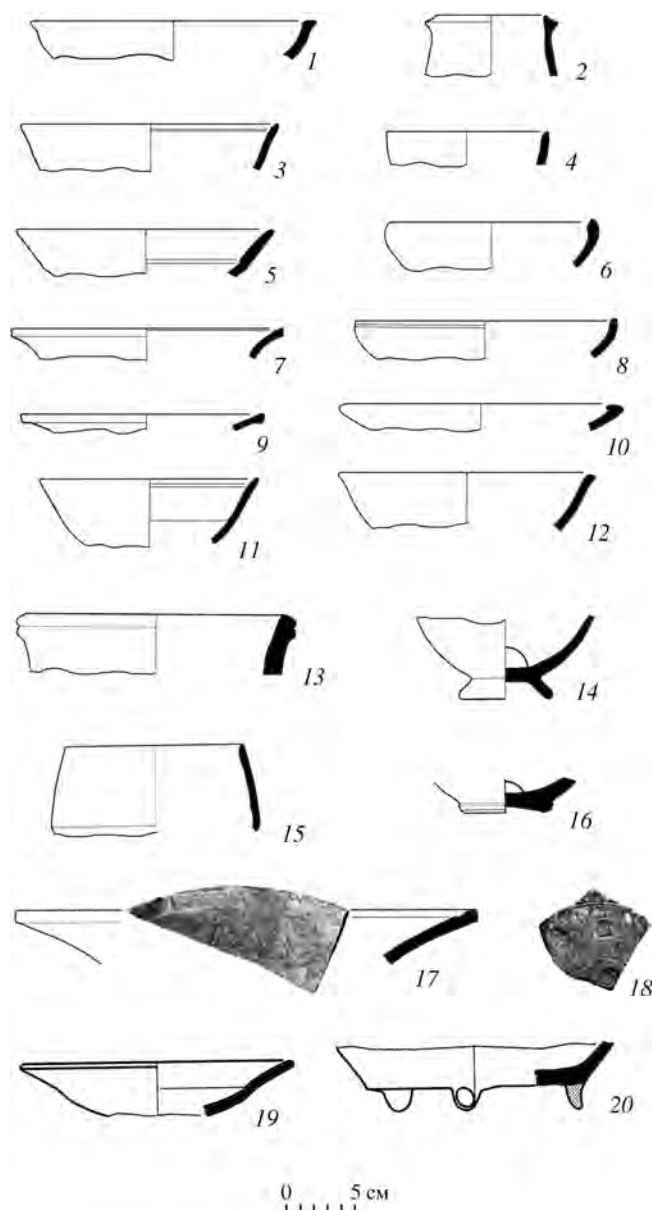

Рис. 1. Комплекс керамики из раскопа “храм 18”, храм Окса. Городище Тахти-Сангин (по: Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011).

формами (рис. 1), вызывает возражения и требует серьезной корректировки¹.

Лишь один фрагмент из комплекса можно отнести к эллинистическому периоду. Это верхняя часть приземистой чаши с резервуаром усеченно-кони-

ческой формы и резко загнутым внутрь верхним краем (рис. 1, 10). Сосуд находит себе прямые аналогии практически во всех известных эллинистических комплексах Средней Азии (Шишкина, 1975. С. 64. Рис. 4, 15, 16; Сулейманов, 2000. Рис. 98, 17, 18; 100, 21–23; Lyonnet, 2001. Р. 148. Fig. 2, 13–15; 2013. Р. 356. Fig. 4, 9–11; Сверчков, 2007. Рис. 16, 2, 3; 18, 2; 19, 9–16; Болелов, 2011. С. 79. Рис. 6, 8). Эта форма, по всей видимости, – прообраз крупных столовых чаш и мисок, широко распространенных в юэчжийско-бактрийский и кушано-бактрийский периоды (Пидаев, 1978. С. 125. Табл. III, 5–9; Болелов, 2009. С. 69). Разница состоит лишь в том, что у чаш эллинистического периода верхний край, загнутый внутрь сосуда, заострен, тогда как у сосудов этого типа более позднего времени он имеет округлые очертания, а у чаш кушано-бактрийского периода чаще всего утолщен.

В комплексе “храм 18” представлен фрагмент еще одной полусферической чаши, которую с определенной долей вероятности можно датировать эллинистическим периодом (рис. 1, 8). Характерный признак этого сосуда – два четко выраженных желобка по верхнему краю с внешней стороны. На Кампыртепа полусферические чаши, декорированные подобным образом, представлены в комплексе КТ-IV (поздний этап греко-бактрийского периода) – не ранее начала II в. до н.э. (Мкртычев, Болелов, 2006. С. 61. Рис. 3, 26, 27). Однако вряд ли эти сосуды следует считать хронологическим репером. Они довольно широко были распространены и в более поздний – юэчжийско-бактрийский период (Пидаев, 1978. С. 125. Табл. III).

По мнению исследователей, одна из основных датированных форм в керамическом комплексе “Тахти-Сангин – храм 18” – так называемые рыбные блюда (рис. 1, 7, 9, 17, 18).

В среднеазиатской археологии четко выделены признаки этой керамической формы, несомненно, восходящей к греческим образцам. Строго говоря, среднеазиатские “рыбные блюда” собственно таковыми не являются – это невысокие чаши с резервуаром усеченно-конической формы и прямыми раскинутыми стенками (Ртвеладзе, Болелов, 2000. С. 99, 100). Характерный признак этого типа сосудов – четко выделенный, нависающий “клювовидный” венчик, в большей или меньшей степени заостренный в нижней части (рис. 2, 13, 14, 19–21; 3, 1, 2). У большей части сосудов в центре имеется хорошо выраженное углубление – дань эллинистической традиции (рис. 2, 28). Если четко следовать типологическому методу, то ни один из опубликованных фрагментов в комплексе “Тахти-Сангин – храм 18” не является “рыбным блюдом”, которое

¹ К сожалению, огромная коллекция керамики из раскопок Тахти-Сангина до сих пор не обработана и теперь уже вряд ли будет обработана и опубликована, о чем писал Б.А. Литвинский в последнем томе “Храма Окса” (2010. С. 7). В то же время, как представляется, подробная публикация стратифицированных керамических комплексов памятника сняла бы многие дискуссионные вопросы, особенно касающиеся хронологии памятника.

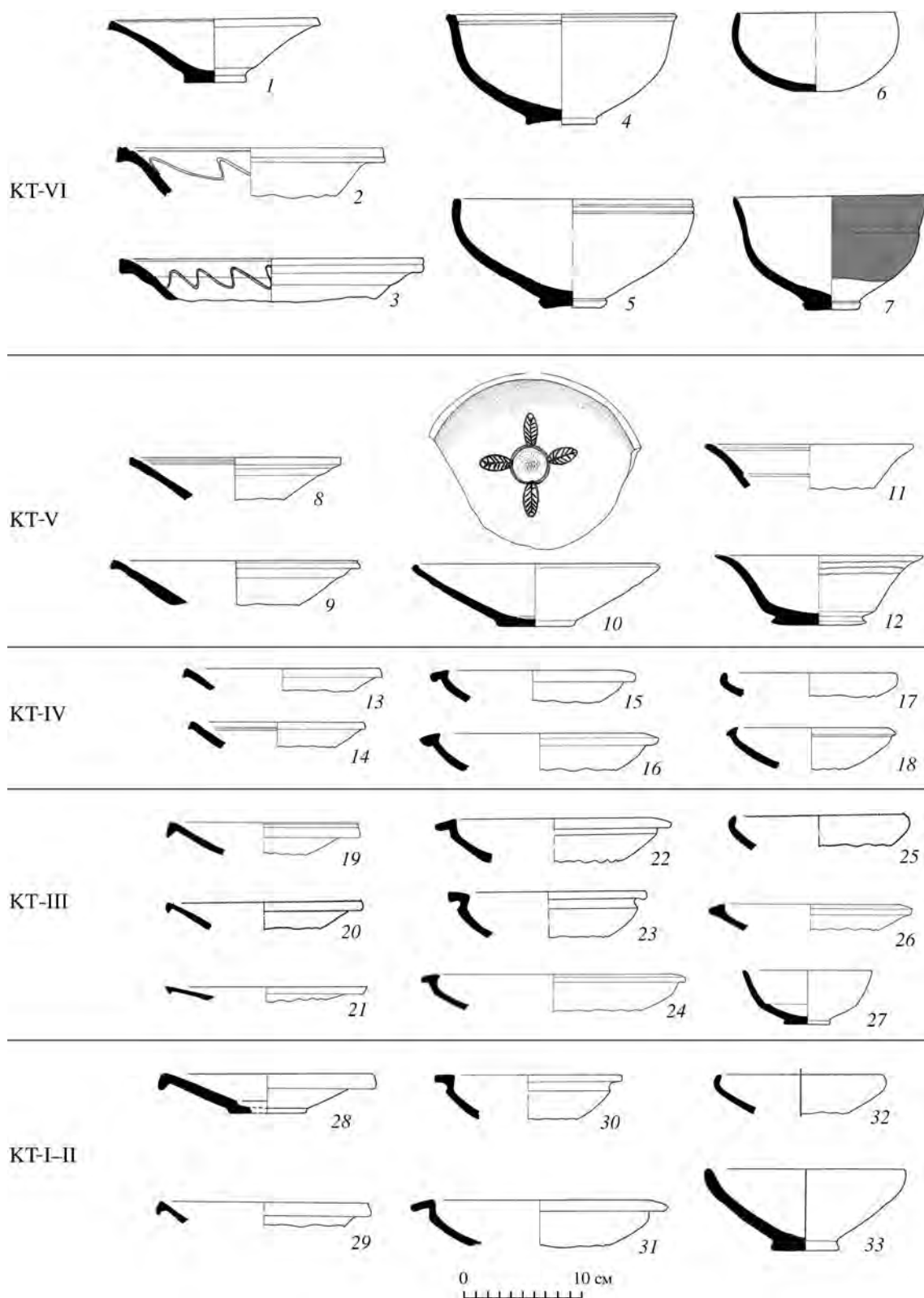

Рис. 2. Кампыртепа. Открытые формы в группе столовой посуды (конец IV в. до н.э. – первая четверть II в. н.э.).

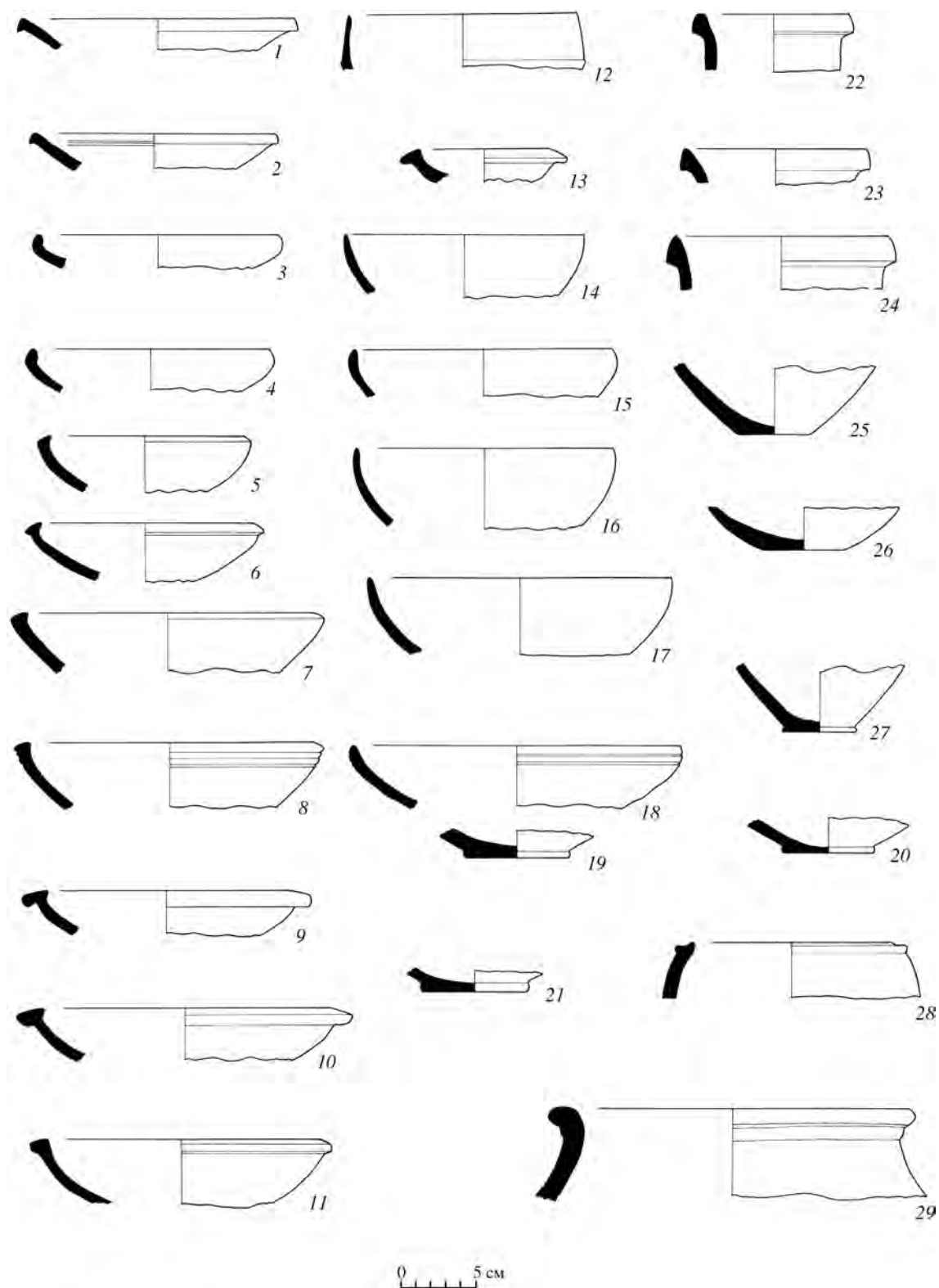

Рис. 3. Кампыртепа. Керамический комплекс КТ-IV.

можно было бы датировать в пределах III–II вв. до н.э.; ни у одного из них нет четко выраженного “клювовидного” венчика. В одном случае (рис. 1, 9) немного утолщенный верхний край сосуда имеет подтреугольные очертания, и он близок чашам юэчжийско-бактрийского и кушано-бактрийского периодов, широко представленным в комплексе Кампыртепа (рис. 2, 1, 9). Их можно рассматривать как трансформацию “рыбного блюда”, но появляются они не ранее начала I в. до н.э. У остальных чаш, представленных в комплексе, венчика просто нет, все они имеют плавно отогнутый наружу верхний край. У некоторых из них есть небольшой уступ по внутреннему краю устья сосуда (рис. 1, 7), характерный признак открытых форм столовой посуды юэчжийско-бактрийского периода, особенно в подгруппе сероглиняной керамики (Болелов, 2001. С. 27. Рис. 2; Мкртычев, Болелов, 2006. С. 66. Рис. 7).

Некоторые чаши находят аналогии и в более поздних комплексах. Фрагмент венчика с зигзагообразным орнаментом по внутренней поверхности, несомненно, принадлежит красноангобированной крупной чаше, полной аналогии крупным столовым чашам (рис. 2, 2, 3), распространенным на территории Северной Бактрии во второй половине I – первой половине II в. н.э. (см. также: Пугаченкова и др., 1978. С. 151. Рис. 103; Литвинский, Седов, 1983. С. 219. Табл. XIV; Болелов, 2002. С. 62. Рис. 1, 27–37). Эти сосуды по морфологическим и параметрическим характеристикам резко отличаются от “рыбных блюд” и представляют собой вполне самостоятельную форму, которая появляется в Северной Бактрии не ранее I в. н.э. (Тургунов, 1973. С. 74. Рис. 16, 2, 3; Пидаев, 1989. С. 49). Характерный декоративный признак этих сосудов – процарапанный волнистый орнамент на внутренней поверхности; на Кампыртепа 86% процентов мисок были украшены подобным образом (Болелов, 2002. С. 45). Этот вид орнамента широко распространяется на территории Северной Бактрии на раннем этапе кушано-бактрийского периода (не позднее правления Вимы Такто). Орнаментировались только определенные типы сосудов; в группе столовой посуды это были крупные красноангобированные миски (Болелов, 2002. С. 57).

Ранее фрагменты, причем только крупных хозяйственных сосудов с таким орнаментом фиксируются очень редко (Пугаченкова и др., 1978. С. 147. Рис. 101; Восковский, 2002. С. 18. Рис. 10). В керамическом комплексе эпохи эллинизма Северной Бактрии орнаментированной посуды практически нет. В комплексе из крепости Курганзол известен лишь один фрагмент чаши, декорированной по верхней

горизонтальной поверхности венчика прочерченным зигзагообразным орнаментом (Сверчков, 2007. С. 56. Рис. 20, 8). В еще более многочисленном комплексе Кампыртепа (рис. 3) нет ни одного орнаментированного фрагмента (Мкртычев, Болелов, 2006. С. 43–66; Болелов, 2011. С. 59–63). На среднеазиатских “рыбных” блюдах III–II вв. до н.э. не известны никакие виды орнаментации. Принимая во внимание приведенные выше факты, фрагмент крупной красноангобированной столовой миски с зигзагообразным орнаментом из Тахти-Сангина вряд ли следует датировать ранее середины I в. н.э.

К этому же периоду относится и фрагмент кубка, который исследователи считают “глубоким цилиндро-коническим” и относят этот сосуд к греко-бактрийскому периоду (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 54, 55). Однако на опубликованном фрагменте не отмечены характерные морфологические признаки, присущие этому типу посуды. Прежде всего это четко выделенный уступ или ребро, подчеркнутое валиком, в месте перехода от цилиндрической части к конической. Кроме того, у всех кубков греко-бактрийского времени был, безусловно, вертикальный прямой верхний край. У опубликованного фрагмента верхняя часть имеет округлые очертания и его, видимо, следует отнести к кубкам с округлым резервуаром на сравнительно высоком поддоне усечено-конической формы, широко распространенным в юэчжийско-бактрийский и кушано-бактрийский периоды (Мкртычев, Болелов, 2006. С. 56).

В комплексе “храм 18” представлены и другие типы столовой посуды. Это фрагменты полусферических чаш с прямым верхним краем, немного отогнутым наружу (рис. 1, 3, 5, 11, 12, 19). У некоторых из них четко прослеживается уступ на внутренней стороне резервуара, в центральной части сосуда (рис. 1, 5, 11, 19). Эти чаши находят себе прямые аналогии в керамических комплексах юэчжийско-бактрийского периода (не ранее конца II – начала I в. до н.э.)², причем в большинстве случаев (рис. 2, 11, 12) это сероглиняные тонкостенные чаши (см. также: Пидаев, 1978. Табл. IV; Пугаченкова и др., 1978. С. 147. Рис. 101, 5а, б; Восковский, 2002. С. 16. Рис. 7; Двуреченская, 2006. С. 132. Рис. 12, 1–4). К этому же периоду времени относится и нижняя часть сосуда на высоком кольцевом поддоне

² Аналогичные сосуды представлены в комплексе Джига-тепе так называемого второго греко-бактрийского периода, датированного второй половиной II в. до н.э. (Пидаев, 1984. С. 118). Однако по набору форм и характерных морфологических признаков, учитывая материалы Кампыртепа, этот комплекс скорее следует отнести к раннему этапу юэчжийско-кушанского периода и датировать самым концом II – серединой I в. до н.э.

(рис. 1, 14). Глубокие полусферические чаши на высоких кольцевых поддонах – характерная форма именно в юэчжийско-бактрийских комплексах (Пидаев, 1984. С. 119. Рис. 4, 32; Мкртычев, Болелов, 2006. С. 65. Рис. 7). Чаще всего такие поддоны были у сероглиняных крупных чаш.

Этим же временем датируется и нижняя часть крупного сосуда (хумча?) на трех ножках (рис. 1, 20). Хумы, хумчи, крупные горшки на трех конусовидных ножках появляются на территории Северной Бактрии не ранее I в. до н.э. (Пидаев, 1978. С. 128. Табл. VI, 19; Пугаченкова и др., 1978. С. 147. Рис. 101, 31; Lyonnet, 1997. Fig. 48). В более ранних комплексах эти сосуды, судя по всему, не фиксируются. В многочисленных публикациях археологических материалов эллинистического периода они отсутствуют. Сосуды на трех ножках (иногда их называют “триподами”) не характерны и для кушано-бактрийского периода. В слоях второй половины I – первой четверти II в. н.э. на Кампыртепа (период КТ-VI) они полностью отсутствуют (Болелов, 2002. С. 42–44).

На основании изложенных соображений и приведенных аналогий нет оснований считать комплекс керамики, найденной вместе с литейной формой на объекте “храм 18” городища Тахти-Сангин, единовременным, а тем более “закрытым греко-бактрийским”. Большая часть опубликованных фрагментов относится к более позднему периоду, а именно к юэчжийско-бактрийскому (I в. до н.э. – первая половина I в. н.э.), а некоторые из них – к раннему этапу кушано-бактрийского периода (вторая половина I – первая треть II в. н.э.). Как представляется, этот факт, учитывая зафиксированную стратиграфическую ситуацию, однозначно свидетельствует о том, что исследуемый комплекс происходит из слоев мусора (верхние слои заполнения полуподземного помещения) и датируется не позднее первой четверти II в. н.э. Наличие в комплексе отдельных фрагментов эллинистической керамики несколько не влияет на окончательный вывод. Это говорит лишь о том, что в яму, в которой и была найдена часть литейной формы № 2, был сброшен мусор или после ремонта, или после капитальной чистки территории храма или теменоса.

Учитывая, что форма была найдена в яме, порезавшей относительно ранние слои, весь комплекс можно датировать не ранее середины I в. н.э. Неизвестно, почему уже готовая, как можно предполагать, форма не была использована. Возможно она треснула в процессе изготовления или были другие причины, но можно уверенно говорить, что она была изготовлена в другом месте и уже после этого вместе с разновременными фрагментами керамиче-

ских сосудов попала в яму вместе с мусором. Вряд ли ее следует рассматривать в одном контексте с керамикой из ямы и тем более с керамикой из культурных слоев, которые эта яма прорезала.

Таким образом, керамический комплекс, найденный вместе с литейной формой, никак не может быть основанием для ее датировки. Он в совокупности датируется в пределах III в. до н.э. – первой четверти II в. н.э. В данном случае имеется только комплекс разновременных находок из ямы или из верхних слоев заполнения полуподземного помещения, одна из которых – уникальная литейная форма. Датировать комплекс можно, как уже говорилось выше, в пределах почти 500 лет. В такой ситуации основанием для более узкой датировки литейной формы могут быть только палеографические данные или технологические признаки, но никак не керамика, найденная вместе с ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болелов С.Б. К вопросу о стандартизации среднеазиатской керамики в древности (по материалам Калалыгыр 2 в Левобережном Хорезме) // VI чтения памяти проф. В.Д. Блаватского: Тез. докл. конф. М., 1999. С. 20, 21.
- Болелов С.Б. Гончарная мастерская III–II вв. до н.э. на Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2001 (Матер. ТЭ; Вып. 2). С. 15–30.
- Болелов С.Б. Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2002. (Матер. ТЭ; Вып. 3). С. 41–67.
- Болелов С.Б. К вопросу о периодизации раннего этапа истории Древнего Хорезма // TRANSOXIANA. История и культура / Ред. А. Саидов. Ташкент, 2004. С. 48–53.
- Болелов С.Б. Керамика эпохи великих кушан на территории Бактрии по материалам Кампыртепа (конец I – первая половина II в. н.э.). Традиции и инновации // Культура, история и археология Евразии / Ред. И.С. Смирнов. М., 2009 (Orientalika et Classika; XXII). С. 57–103.
- Болелов С.Б. Гончарные производства Бактрии античного периода // Древние цивилизации на Среднем Востоке / Ред. С.Б. Болелов. М., 2010. С. 26–29.
- Болелов С.Б. Кампыртепа-Пандахеон в эпоху эллинизма // ВДИ. 2011. № 4. С. 29–48.
- Болелов С.Б. Производственный центр эпохи эллинизма на цитадели Кампыртепа // Матер. ТЭ. Вып. 8 / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Елец, 2011. С. 48–80.
- Бороффа Н., Цзян Цзун Мэй. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение

- китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки // ВДИ. 2011. № 4. С. 49–76.
- Восковский А.А. Стратиграфическое изучение помещения 1 цитадели Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2002 (Матер. ТЭ; Вып. 3). С. 9–18.
- Двуреченская Н.Д. Итоги археологических работ 2004–2005 гг. в жилом квартале-блоке 5 в северо-западной части Кампыртепа // Матер. ТЭ. Вып. 6 / Ред. Э.В. Ртвеладзе, В.С. Соловьев. Елец, 2006. С. 110–137.
- Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 г. // АРТ. Вып. XXX. Душанбе, 2005. С. 86–105.
- Дружинина А.П., Иганаки Х. Общие результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2007 г. // АРТ. Вып. XXXIII. Душанбе, 2009. С. 101–106.
- Дружинина А.П., Иганаки Х., Худжагельдиев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. Вып. XXXIV. Душанбе, 2010. С. 191–217.
- Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. № 4. С. 110–131.
- Калалы-гыр 2. Культовый центр в древнем Хорезме / Ред. Б.И. Вайнберг. М.: Вост. лит., 2004. 286 с.
- Керзум А.П. Тахти Сангин. Керамика алтарно-башенного сооружения // Уч. зап. комиссии по изуч. памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. Археологические источники / Ред. И.С. Каменецкий. М., 1989. С. 195–208.
- Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979. 293 с.
- Кубавара Я. Результаты радиоуглеродного анализа С-14 образцов из раскопок Тахти-Сангин // АРТ. Вып. XXXIV. Душанбе, 2010. С. 217–226.
- Литвинский Б.А. Храм Окса. Т. 3: Искусство. Художественное ремесло. Музыкальные инструменты. М.: Вост. лит., 2010. 664 с.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-Шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983. 238 с.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии. Т. 1: Раскопки, архитектура, культурная жизнь. М.: Вост. лит., 2000. 503 с.
- Массон В.М. Кушанские поселения и кушанская археология // Бактрийские древности / Ред. В.М. Массон. Л., 1976. С. 3–17.
- Массон В.М. Кочевнические компоненты кушанского археологического комплекса // Проблемы античной культуры / Ред. Г.А. Кошеленко. М., 1986. С. 258–264.
- Мкртычев Т.К., Болелов С.Б. Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа и Шорттепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе, Дж.Я. Ильясов. Ташкент, 2006 (Матер. ТЭ; Вып. 5). С. 43–67.
- Мокробродов В.В. Гишттепа в кишлаке Пашхурт. Предварительные итоги исследований 2004–2006 гг. // Трансоксиана – Маверанахр / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2007. С. 148–156.
- Неразик Е.Е. Формирование раннесредневекового общества в низовьях Амударьи. М.: Гриф и К, 2013. 374 с.
- Пидаев Ш.Р. Мирзакул-тепе – памятник раннекушанского времени в Северной Бактрии // Бактрийские древности / Ред. В.М. Массон. Л., 1976. С. 68–76.
- Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1978. 143 с.
- Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепа (раскопки 1976 г.) // Древняя Бактрия / Ред. И.Т. Кругликова. М., 1984 (Матер. Советско-Афганской археологич. экспедиции; Вып. 3). С. 112–125.
- Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии – Тохаристана и Согда / Ред. Г.А. Пугаченкова, А.А. Аскаров. Ташкент: Фан, 1987. С. 87–97.
- Пидаев Ш.Р. Эволюция двух форм керамики Северной Бактрии // Краеведение Сурхандарьи / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1989. С. 43–52.
- Пичикян И.Р. Тахти Сангин. Алтарно-башенное сооружение // Уч. зап. комиссии по изуч. памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. Археологические источники / Ред. И.С. Каменецкий. М., 1989. С. 177–194.
- Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. 340 с.
- Попов А.А. Греко-Бактрийское царство. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2008. 239 с.
- Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979. 247 с.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., Беляева Т.В., Тургунов Б.А., Исхаков М.Х., Некрасова Е.Г., Вызго Т.С. Дальверзин-тепе. Кушанский город на юге Узбекистана / Ред. Л.И. Ремпель. Ташкент, 1978. 238 с.
- Ртвеладзе Э.В., Болелов С.Б. Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыртепа в Северной Бактрии // Средняя Азия. Археология. История. Культура / Ред. О.Н. Иневаткина. М., 2000. С. 99–105.
- Сверчков Л.М. Опыт синхронизации керамических комплексов эпохи эллинизма (Кампыртепа, Термез, Джигатепе, Курганзол) // Археологические исследования Кампыртепа и Шорттепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2006. (Материалы ТЭ; Вып. 5). С. 105–125.
- Сверчков Л.М. Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // Тр. Байсунской экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007. С. 31–64.
- Сверчков Л.М., Восковский А.А. Стратиграфия, периодизация, хронология нижних слоев Кампыртепа //

- Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2006 (Матер. ТЭ; Вып. 5). С. 21–43.
- Седов А.В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правобережье Амударьи // СА. 1984. № 3. С. 171–180.
- Ставиский Б.Я. Античный мир, его традиции и элементы в истории культуры и искусства Средней Азии // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока / Ред. И.Р. Пичикян. М.: Вост. лит., 1978. С. 203–217.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшеб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Ташкент, 2000. 545 с.
- Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. 370 с.
- Тургунов Б.А. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана / Ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент, 1973. С. 52–78.
- Ходжайов Т.К., Мамбетуллаев М.М. Раннесредневековый некрополь Куюккала / Ред. С.В. Васильев. М.: Ассоциация Экоост, 2008. 431 с.
- Фрай Р. Наследие Ирана. М.: Вост. лит., 2002. 392 с.
- Шишкина Г.В. Керамика конца IV–II вв. до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III / Ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент: Фан, 1974. С. 28–52.
- Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2. С. 60–79.
- Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Katalog zur Ausstellung. Mannheim, 2010. 445 S.
- Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // AMIT. 2008. Bd. 40. S. 121–135.
- Drujinina A.P., Boroffka N.R. First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004 // Bull. Miho Museum. 2006. V. VI. P. 57–69.
- Gardin J.-C. Les Céramiques // Fouilles d'Aï-Khanoum. I (campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Rapport préliminaire / Éd. P. Bernard. Paris, 1973. (MDAFA; T. XXI). С. 120–188.
- Lyonnet B. Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe. Paris, 1997. 447 p.
- Lyonnet B. Les Grecs, les Nomades et l'indépendance de la Sogdiane, d'après l'occupation comparée d'Aï Khanoum et de Marakanda au cours des derniers siècles avant notre ère // Bull. Asia Institute. New Series. V. 12. N. Y., 2001. P. 141–159.
- Lyonnet B. La céramique hellénistique en Asie centrale // Networks in the Hellenistic World. According to the pottery in the Eastern Mediterranean and beyond. Oxford, 2013. P. 351–368.
- Swertschkow L.M. Die Grabungen im Fort Kurgansol im Süden Usbekistans – neue Daten zur Geschichte Zentralasiens am Ende des 4. Jrs. V. Chr. // Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Katalog zur Ausstellung. Mannheim, 2010. S. 78–83.

КОТЛЫ ТИПА “ТАХТИ-САНГИН–БАРМАШИНО”: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ ТРАДИЦИЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© 2014 г. С.В. Демиденко

Институт археологии РАН, Москва (svdemid@hotmail.ru)

Ключевые слова: Тахти-Сангин, Бармашино, бронзовые котлы, литейные формы, хронология, технология, традиции, Греция, Центральная Азия, Китай.

The author analyses a “type” of bronze cauldrons “Takhti-Sangin–Barmashino” and concludes that this “type” as a taxonomic unit does not exist as it consists of the examples that differ according both morphological and technological parameters. They are dated on the basis of the complex near the Lake Borovoe not earlier than the 6th century. The usage of such “analogues” for reconstructing “casting forms” with Greek inscriptions from the settlement Takhti-Saka referring to the second half of the 1st – the beginning of the 2nd centuries AD, is incorrect. Simultaneously, the problem of the mutual interfering of the Greek, Chinese and Scythian-Saka traditions of the metalwork on the territory of Greece-Bactria in the epoch of Hellenism is considered premature.

Находка фрагментов глиняных литейных форм с греческими посвятельными надписями на теменосе храма Окса городища Тахти-Сангин в Таджикистане, несомненно, – одно из значительных археологических открытий предшествующего десятилетия (Drujinina, Boroffka, 2006; Drujinina, 2008).

Германский исследователь Н. Бороффка и китайский исследователь Цзян Цзун Мэй реконструировали одну из этих форм с привлечением случайных находок котлов, хранящихся в музеях Таджикистана и Узбекистана, выделили особый “тип” литых котлов, который по крайним точкам местонахождений назвали “Тахти-Сангин–Бармашино”, датировали его серединой или второй половиной II в. до н.э., а также поставили проблему “взаимопроникновения китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки в Центральной Азии” (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011).

К сожалению, исследователями, несмотря на достаточно широкий охват материала – от материковой Греции до Китая, был допущен ряд методических и фактических ошибок, что и привело к необходимости написания данной работы.

Обратимся прежде всего к предлагаемой реконструкции глиняной литейной формы, которая интерпретируется Н. Бороффкой и Цзян Цзун Мэем как форма для отливки бронзового котла. Главная ошибка исследователей в том, что за основу вос-

создания был взят не сам найденный материал, а его аналогии, датировка, морфология и технология изготовления которых были авторами явно недостаточно проработаны.

Непосредственный объект реконструкции – форма № 1, обнаруженная в 2004 г. в северо-восточном углу раскопа 18 во фрагментах, 45–48% из которых составляли обломки венчика с отпечатками греческих букв и без них (Drujinina, Boroffka, 2006). Однако, подробно описывая различные фрагменты венчика, ручек и стенок, Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй не дают прорисовок сечений данных фрагментов, что не позволяет судить ни о профиле венчика, ни о форме тулова реконструируемого сосуда. Не были обнаружены при раскопах и остатки частей литейной формы от дна и поддона. Реставрационные работы, позволяющие хотя бы некоторым образом представить данное изделие в первоначальном виде, также, судя по опубликованным материалам, не проводились.

В то же время предложена реконструкция литейной формы бронзового котла с поддоном (рис. 1, 1, 2), которая, по утверждению Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэя, полностью подтверждается находками аналогичных бронзовых котлов.

В качестве аналогий исследователи называют случайные находки котлов из Таджикистана: Руфигара и Зидды (район Душанбе), Фахрабада (Курган-Тюбинская обл.), а также котел, хранящийся в

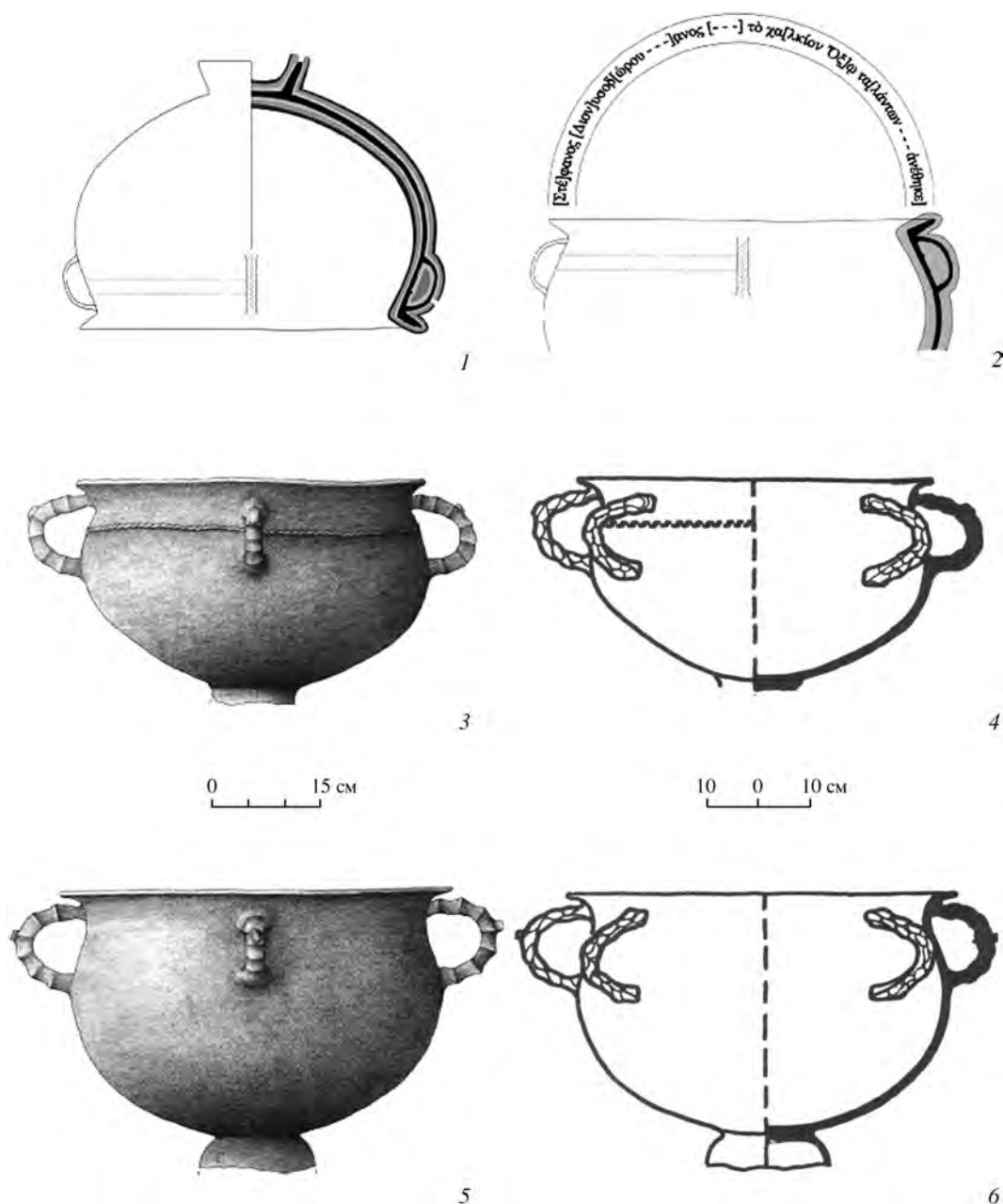

Рис. 1. 1 – реконструкция литейной формы № 1 из Тахти-Сангина; 2 – реконструкция верхней части бронзового сосуда с греческой надписью; 3, 4 – рисунки котла из Зидды; 5, 6 – рисунки котла из Руфигара. (1, 2, 3, 5 – по: Boroffka, Mei, 2013; 4, 6 – по: Якубов, 1987).

Национальном музее Республики Узбекистан, который, по мнению Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэя, происходит из “Бармашино, Кокчетавская обл. Казахстана”. Авторы отмечают, что Ю.Я. Якубов, обнаруживший котел из Фахрабада, никак его не датировал. Вопросы происхождения и датировки котлов из Руфигара и Зидды они также считают открытыми, хотя Ю.Я. Якубов, впервые опубликовавший данные сосуды, “и представил их в ряду металлических сосудов VII–VIII вв. и IX–X вв.”. Не датирован, по мнению исследователей, и котел

из “Бармашино” (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 60, 61).

Доводов в пользу вообще какой-либо датировки данных сосудов исследователи не приводят. Единственным аргументом служит утверждение о том, что фрагменты литейной формы из Тахти-Сангина аналогичны данным находкам.

Однако котлы из Руфигара и Зидды рассматривались Ю.Я. Якубовым в связи с находкой обломка подобного бронзового котла на поселении Гардани

Хисор (Таджикистан) в помещении, которое по керамическому и монетному материалу датировалось VII – началом VIII в. (Якубов, 1987. С. 135).

Данные экземпляры известны по публикации (рис. 1, 4, 6) Ю.Я. Якубова (1987. С. 135–154) и по работам (рис. 1, 3, 5) Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэй (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 60–63. Рис. 15; Boroffka, Mei, 2013. S. 152–155. Abb. 14). К сожалению, приходится констатировать, что рисунки котлов из Руфигара и Зидды указанных авторов представляют собой растушеванные копии рисунков Ю.Я. Якубова, причем выполненные с серьезными ошибками.

Опираясь на сведения Ю.Я. Якубова, можно утверждать, что данные котлы действительно очень похожи. Оба экземпляра имеют полусферическое тулово. Максимальный диаметр тулова превышает его высоту. Это соотношение несколько больше у котла из Зидды (рис. 1, 3, 4) по сравнению с котлом из Руфигара (рис. 1, 5, 6). Однако верхняя треть тулова котла из Руфигара, сужающаяся к венчику, имеет небольшой прогиб внутрь. Верхняя треть тулова котла из Зидды, наоборот, продолжает полусферический контур стенок. Венчики обоих котлов отогнуты под углом наружу. Их плоскость скошена внутрь. Котлы имеют неровную внешнюю поверхность с вертикальными зернистыми подтеками и гладкую внутреннюю поверхность. В верхней трети тулова котла из Зидды проходит рельефный валик-“веревочка”. У котла из Руфигара подобный валик-веревочка отсутствует. Оба сосуда имели чашеобразный поддон (Якубов, 1987. С. 140, 141).

Данные котлы имели по четыре вертикальные петлевидные ручки, располагавшиеся в верхней трети тулова. Но! На рисунках и в описании Ю.Я. Якубова ручки котлов из Зидды и Руфигара расположены попарно, друг напротив друга (рис. 1, 4, 6), что подтверждено и соответствующими фотографиями (1987. Рис. 4, 5). На рисунках в работах Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэй (рис. 1, 3, 5) все четыре ручки изображены диаметрально противоположно друг другу (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. Рис. 15; Boroffka, Mei, 2013. Abb. 14). Кроме того, в описании и на рисунках Ю.Я. Якубова показано, что ручки “сплетены из трех ленточек в виде косичек”, у Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэй они разделены шестью-семью горизонтальными рельефными валиками.

В чем исследователи действительно не ошиблись, так это в предположении, что котлы из Зидды и Руфигара изготовлены по “восковой” модели. Или, правильнее было бы сказать, по “выплавлено-выгораемой” модели. Вероятнее всего это были сало или жир (Минасян, 1986; Демиденко, 2008.

С. 31–43). На каком основании пришли Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй к выводу об использовании “восковой” модели, остается неясным. Однако такие технологические признаки, как “вертикальные зернистые подтеки”, упомянутые в описании котла из Зидды Ю.Я. Якубовым, которые являются ни чем иным, как отпечатком прутяного (Минасян, 1986. С. 68–70) или растительного (Демиденко, 2008. С. 32–40) каркаса, предохранявшего модель от проседания внешней части литейной формы, а также валик-веревочка, стягивавший подобную конструкцию, свидетельствуют о применении выплавлено-выгораемой модели. Подчеркнем, что валик-веревочка не представляет собой, как считают Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй, “имитацию скрученного шнура”, и он не был напаян на тулово котла, как считал Ю.Я. Якубов (1987. С. 140). Он действительно представляет собой технологический элемент. Использование таких элементов, как предохранительный растительный каркас, перетянутый веревочкой или без нее, достаточно четко фиксируется при изготовлении скифских, сарматских и сакских котлов (Минасян, 1986. С. 68–70; Демиденко, 1994; 2008. С. 32–40). Выступы-“кнопки” на ручках котлов из Зидды и Руфигара, вероятнее всего, служили каналами для вывода остатков выплавлено-выгораемой модели (Демиденко, 2008. С. 32–40), нежели остатками “вентиляционных отдушин” (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 62). Выступы же на вертикальных ручках “скифо-сакских и сарматских котлов”, в которых авторы пытаются разглядеть остатки технологического процесса (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 62), на самом деле были декоративным элементом (Демиденко, 1994, 1997, 2000, 2008. С. 31–43).

Котел из Фахрабада (рис. 2, 1–3) (Якубов, 1990. С. 293. Рис. 1) найден случайно и действительно не может быть напрямую датирован в каком-либо контексте. Но он также не может быть использован в качестве аналогии ни к реконструируемой форме № 1 из Тахти-Сангина, ни к котлам из Зидды и Руфигара, поскольку отличается от них как по морфологическим признакам, так и по технологии изготовления.

Экземпляр из Фахрабада имеет достаточно пропорциональное полусферическое тулово. Край венчика отогнут наружу, его верхняя плоскость составляет с внутренней стороной стенки тулова прямой угол. Котел имеет четыре вертикальные петлевидные ручки, расположенные под венчиком диаметрально противоположно друг другу. Поддон цилиндрический. Котел изготовлен цельнолитым способом. Судя по вертикальным литейным швам, внешняя часть литейной формы была собрана из

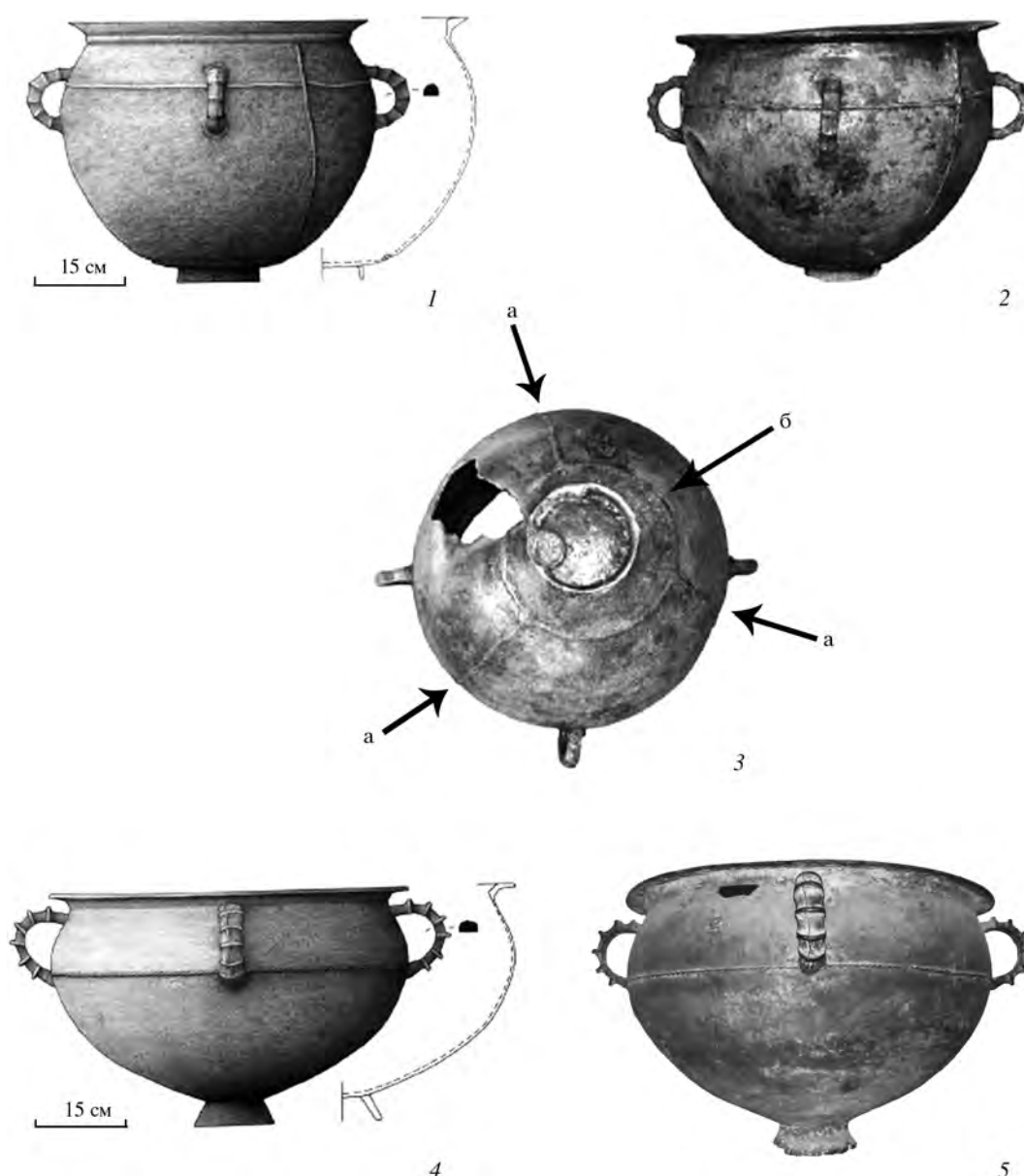

Рис. 2. Котлы из Фахрабада (1–3) и Национального музея Республики Узбекистан (4, 5). 1, 2 – общий вид; 3 – вид со стороны дна: а – вертикальные литейные швы, в местах соединения внешних стенок литейной формы; б – горизонтальный литейный шов в месте присоединения литейной формы поддона; 5 – общий вид (по: Boroffka, Mei, 2013).

трех секций. К ним сверху присоединялась часть формы с дном и цилиндрическим поддоном. В месте их соединения проходит горизонтальный литейный шов. Подобная конструкция предполагает использование при литье глиняной модели (Демиденко, 2008. С. 42, 43) или модели из животного клея (Минасян, 1986. С. 75–78), что характерно уже для хуннских и гуннских котлов. Но они имеют другую форму тулова и ручек и другой способ изготовления поддона, что также не позволяет сравнивать их напрямую с экземпляром из Фахрабада.

Не может помочь в подтверждении правильности отнесения котла из Фахрабада к кругу “аналогий”

литейной формы № 1 и проведенное Н. Бороффкой и Цзян Цзун Мэем исследование его спектрального состава (2011. С. 63, 64). Высокая концентрация олова (7.2%) и свинца (9.7%) в сплаве, с одной стороны, вроде бы позволяет им отнести данный сосуд к группе “сако-сарматских котлов”¹. Но, с другой стороны, по сообщению исследователей, подобная концентрация олова и свинца отмечается и в китайских ритуальных бронзовых сосудах для воды типа

¹ Что конкретно понимают Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй под термином “сако-сарматские котлы”, и какой временной промежуток он охватывает, остается неясным.

“jian”, изготавливавшихся в позднежозускую эпоху (период Чжаньго, V–III вв. до н.э.).

Несколько слов следует сказать и о размерах котлов, используемых в качестве “аналогий”. Диаметр их венчиков составляет от 48 до 59 см. Реконструируемый диаметр венчиков литейных форм из Тахти-Сангина составляет 75–80 и 100 см, что в 2 раза больше, чем у упомянутых “аналогий”. Разумеется, ни на одном из данных сосудов нет и намека на греческие надписи.

Наконец, рассмотрим экземпляр, хранящийся в Национальном музее Республики Узбекистан, который, как решили исследователи, представляет собой случайную находку из “Бармашино, Кокчетавской обл. Казахстана”.

Котел имеет полусферическое приплюснутое тулово, венчик отогнут наружу, его верхняя плоскость прямая. В верхней трети тулова проходит валик-веревочка, над ним диаметрально противоположно располагаются четыре вертикальные петлевидные ручки с шестью горизонтальными рельефными валиками. Поддон воронковидный (рис. 2, 4, 5), прилит к тулову (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 61. Рис. 13; Boroŭfka, Mei, 2013. Abb. 12).

С сожалением приходится констатировать, что в данном случае авторы, с одной стороны, стали жертвой незнания советской и российской археологической литературы по данной проблематике, с другой – ими была неправильно понята информация, почерпнутая из работ Е.Ю. Спасской о котлах, обнаруженных на территории Казахстана и Киргизии (1956, 1958).

Дело в том, что в работах Е.Ю. Спасской речь идет о двух котлах. Один из них действительно был найден в 1928 г. в “урочище Бармашном”, Щучинского р-на, Петропавловского округа Казахской ССР (Кокчетавская обл., Казахстан) и был передан на хранение в Петропавловский музей (Спасская, 1956. С. 164; 1958. С. 184), а второй котел был случайно найден под Ташкентом, хранился в Ташкентском музее и рассматривался Е.Ю. Спасской в качестве аналогии котлу из “Бармашино” (1956. С. 164). Именно его и исследовали Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй.

Более того! Котел из “Бармашино” (рис. 3) был найден в погребении. В советской и российской археологической литературе данный погребальный комплекс известен как “находки у озера Борового в Казахстане” и впервые полностью опубликован А.Н. Бернштамом, который датировал его IV–V вв. н.э. (1951). Правда, исследователь изучил только предметы, переданные после обнаружения в Государственный Русский музей в Ленинграде. Котел

остался в Петропавловском музее, где хранится и по сей день (Акишев, Хабдулина, 2011. С. 75, 201; Ярыгин, 2013). Подробные сведения о нем были представлены во второй работе Е.Ю. Спасской 1958 г., которая, как и исследование А.Н. Бернштама, осталась не известна Н. Бороффке и Цзян Цзун Мэй. Е.Ю. Спасская, ссылаясь на мнение А.Н. Бернштама, датировала котел из Бармашино IV–V вв. (Спасская, 1956. С. 164). К датировке данного погребального комплекса обращался и А.К. Амброз, который отнес его к древностям VII в. (1971). Золотые изделия из “погребения у с. Щучьего (около озера Борового) бывшего Петропавловского округа в Казахстане” были изданы И.П. Засецкой (1975. С. 43–51. Кат. 13–32), которая позже еще раз вернулась к хронологии погребения, отметив, что комплекс на основании совокупности дат всех предметов датируется в пределах V – первой половины VI в., но время захоронения, скорее всего, относится к началу VI в. (Засецкая, 1995).

Котел из “погребения у с. Щучьего (около озера Борового)” (рис. 3) действительно самая близкая аналогия котлу из Национального музея Республики Узбекистан (рис. 2, 4, 5). Он также отлит по выплавляемо-выгораемой модели, но в отличие от последнего имеет пропорциональное полусферическое тулово, отогнутый наружу венчик с прямой верхней плоскостью. В средней части тулова проходит валик-веревочка, над которым располагаются четыре вертикальные петлевидные ручки, “имитирующие фактуру рогов архара” (Спасская, 1956. С. 164). Внешняя поверхность неровная. Ниже “веревочки” проходит горизонтальный неровный формовочный шов (Минасян, 1986; Демиденко, 2008. С. 32–40). Тулово и ручки отлиты в одной литейной форме. Котел имеет воронковидный поддон. Вероятно он был прилит к тулову после изготовления последнего.

Данный экземпляр недавно был заново опубликован С.А. Ярыгиным (2013) с новыми фотографиями, подробным описанием и прорисовкой, сделанными сотрудниками Северо-Казахстанского музейного объединения (г. Петропавловск) О.И. Мартынюком и Р.А. Попович (рис. 3, 3, 5–7). И хотя утверждения исследователей, касающиеся, в частности, использования при изготовлении котла таких приемов металлообработки, как кузнечная сварка, клепка,ковка, выколотка, дискуссионны, однако это не делает данную работу менее значимой, а, наоборот, показывает необходимость дальнейшего изучения котла из погребения у оз. Боровое именно с технологической точки зрения.

Обратимся теперь непосредственно к фрагментам литейных форм. Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй

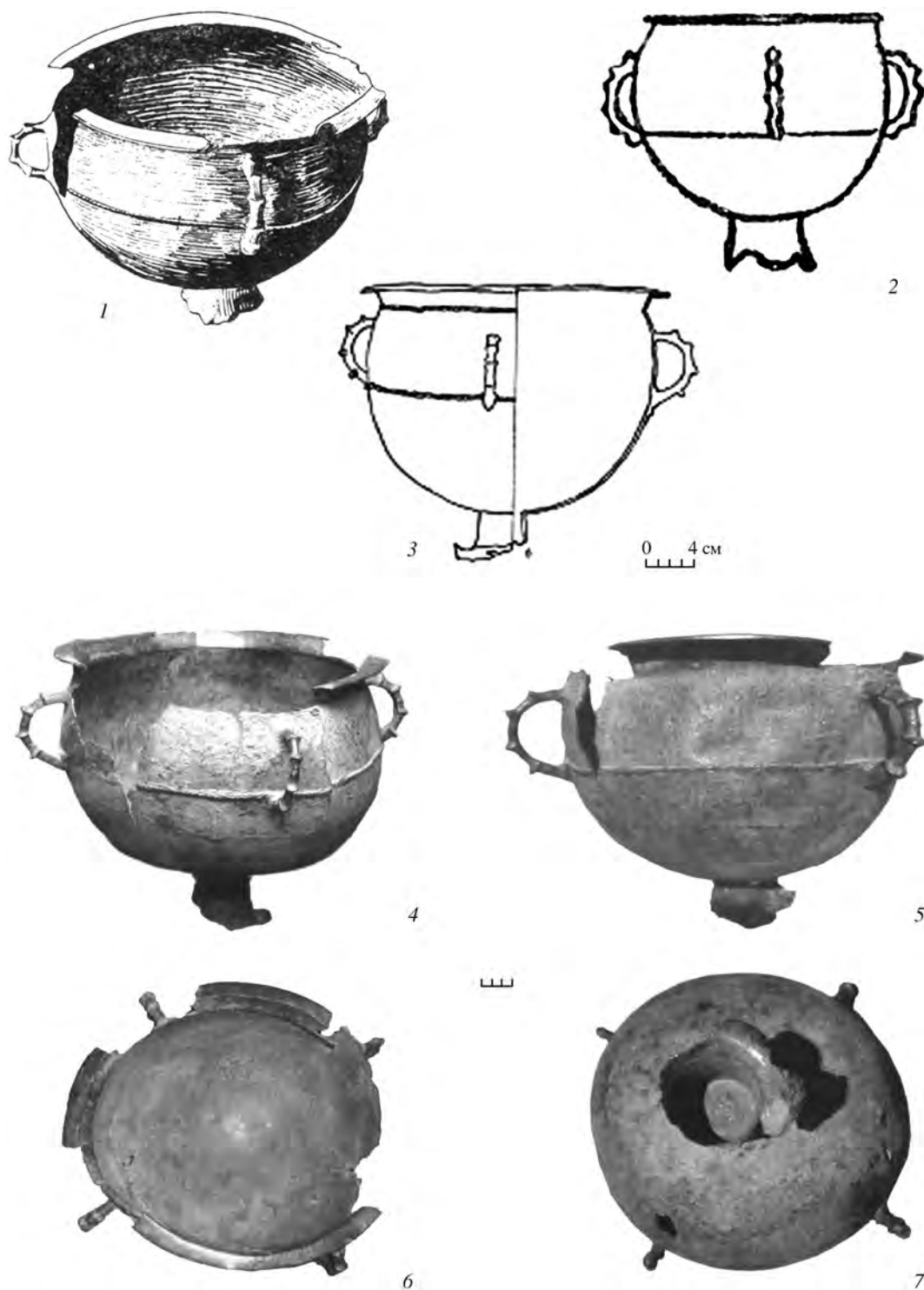

Рис. 3. Котел из погребального комплекса “у с. Щучьего (около озера Борового)”. 1 – по: Бернштам, 1951; 2 – по: Спасская, 1956; 3, 5–7 – по: Ярыгин, 2013; 4 – по: Акишев, Хабдулина, 2011.

предполагают использование при литье восковой модели. По мнению авторов, буквы были нанесены на предварительно изготовленную восковую матрицу рельефными восковыми валиками (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 57–60).

Аналогичная литейная форма № 2, только лучшей сохранности, была обнаружена в 2007 г. А. Дружиной (Drujinina, 2008. S. 125–128) в нижних слоях раскопа 18, в яме VIa (рис. 4, 7). Совпадали и структура глиняных прослоек стенок формы

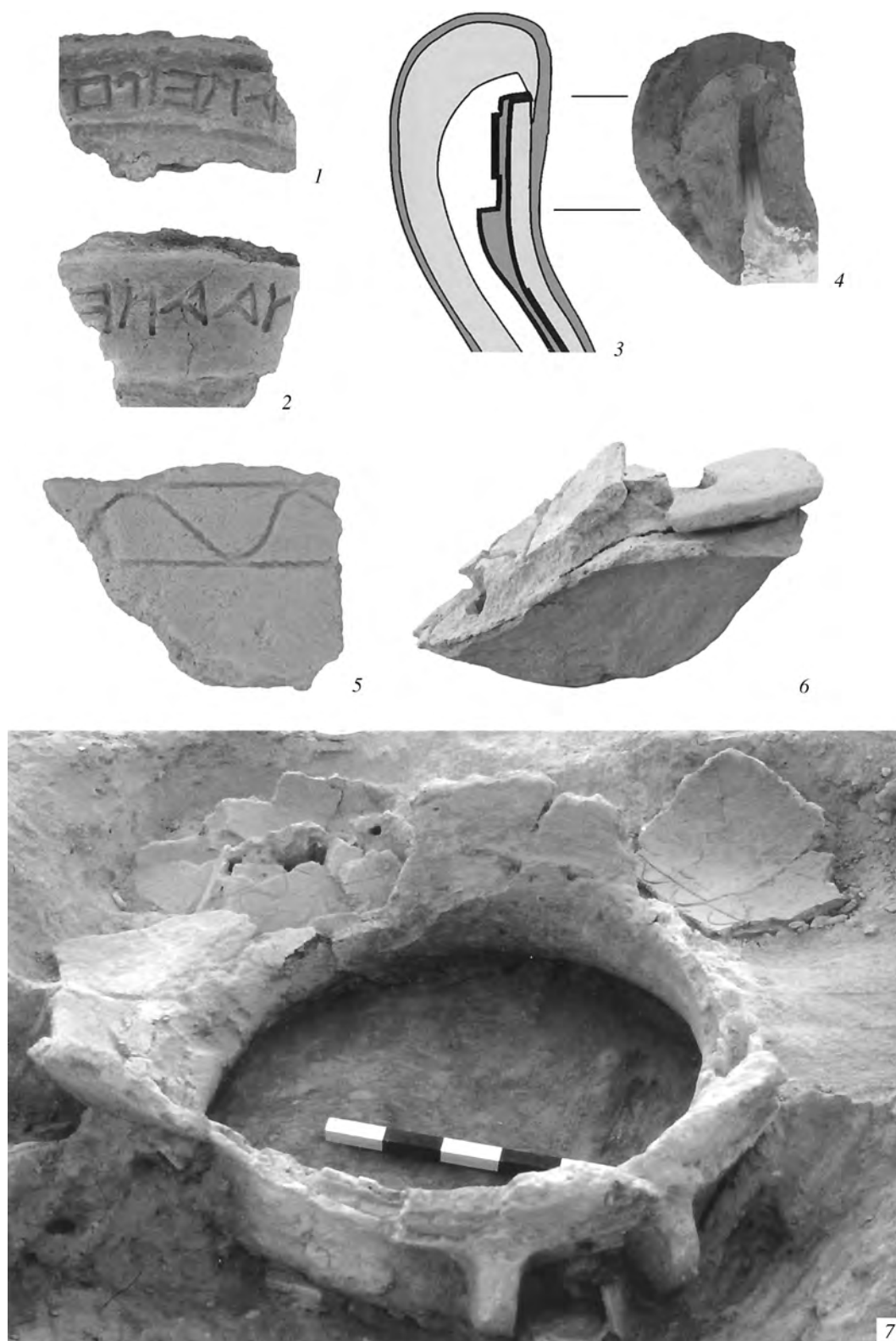
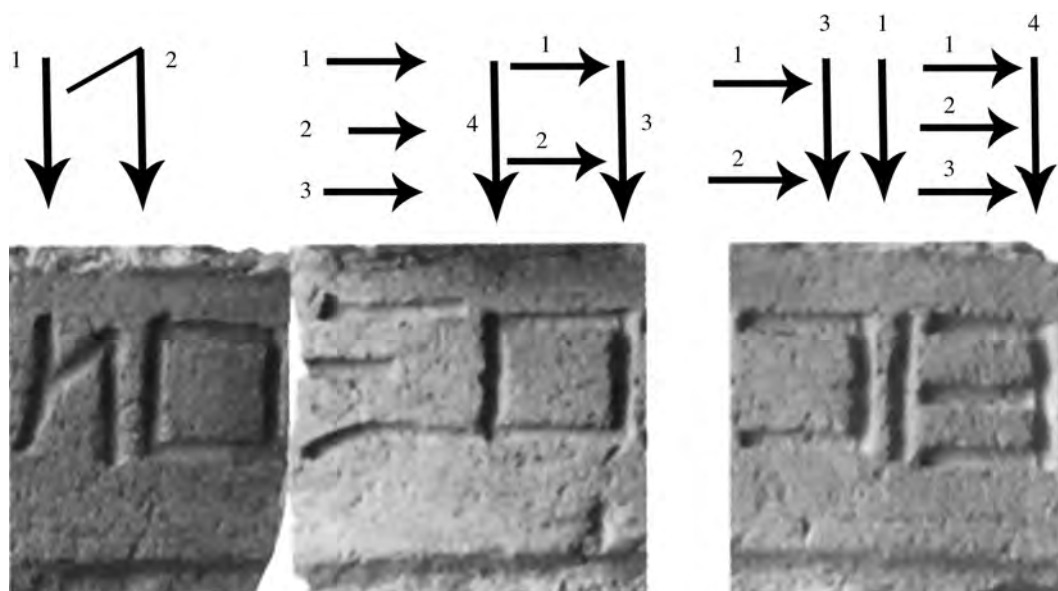

Рис. 4. Литейная форма № 2 с городища Тахти-Сангин (по: Drujinina, 2008). 1, 2 – фрагменты глиняной модели венчика с надписью; 3, 4 – разрез стенки венчика и его реконструкция; 5 – фрагмент стенки внешней части литейной формы с оттиском веревочного орнамента; 6 – литейная форма ручки; 7 – литейная форма в процессе расчистки.

А

Б

В

Рис. 5. А – увеличенный фрагмент греческой надписи на венчике литейной формы № 2 из Тахти-Сангина. Стрелками обозначены направления нанесения штрихов букв, цифрами – их вероятный порядок; Б – глиняная модель венчика с нанесенной греческой надписью (по: Alexander..., 2009; Beumer, 2012); В – китайский ритуальный сосуд для воды типа “jian”, период Чжаньго (V–III вв. до н.э.). Стрелками показан вертикальный литейный шов.

(рис. 4, 3, 4), и расположение надписи (рис. 4, 1, 2; рис. 5, Б). Отличие заключалось лишь в расположении ручек, которые были поставлены попарно, одна возле другой. А. Дружинина также предположила использование восковой модели с буквами из налепных валиков (Drujinina, 2008. S. 129).

Если же рассмотреть надпись на литейной форме № 2 при большом увеличении, то можно прийти к выводу, что буквы наносились не восковыми валиками по восковой матрице, а прорисовывались непосредственно по сырой глине орудием, имевшим прямоугольную поверхность шириной 0.5 см (вероятно, костяной или деревянной палочкой). Штрихи проводились слева направо, о чем свидетельствуют более глубокие вдавления с левой стороны штриха, куда непосредственно ставилось орудие письма, и сверху вниз, причем вертикальные штрихи перекрывали горизонтальные (рис. 5, А). Рельефная веревочка также была оттиснута с внутренней стороны внешней части литейной формы (рис. 4, 5).

Данный факт свидетельствует о том, что в Тахти-Сангине использовалась *не восковая, а глиняная модель*. И, скорее всего, мы имеем дело не с фрагментами венчиков *литейных форм* с надписями, а непосредственно с фрагментами *глиняных моделей* венчиков. Подтверждением этому может служить реставрированный венчик с надписью (рис. 5, Б) “литейной формы” № 2 (Alexander..., 2009. Kat. 263; Иванчик, 2011. Рис. 1; Beumer, 2012. P. 301; Ivantschik, 2013. Abb. 1).

Кроме того, изготовление литейной формы для любых типов котлов требует такой немаловажной детали, как наличие литейного стержня, на котором собственно и формируется модель (Максимов, 1966; Пазухин, 1970; Петриченко и др., 1970; Sramko, 1974; Минасян, 1986; Демиденко, 1994, 2000, 2008. С. 31–43). Остатки подобных литейных стержней не найдены при раскопках. Реконструкция литейной формы Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэя такой детали также не предполагает (рис. 1, 1, 2). Столь рыхлая многослойная глиняная конструкция литейной формы, какой она описывается в работах Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэя, а также А. Дружининой (рис. 4, 3, 4), вряд ли могла бы выдержать без подобного литейного стержня расплавленный металл весом в “семь талантов” (около 180–250 кг) (Alexander..., 2009. Kat. 263), о котором говорится в самой посвяtitельной надписи.

Металлографическое исследование структуры металла савроматских и сарматских котлов показало, что в процессе изготовления литейные формы должны были находиться в каком-то очаге, где постоянно или временно поддерживалась высокая температура для улучшения жидкотекучести спла-

ва и во избежание недоливов (Демиденко, 2008. С. 29, 30). Такие очаги на Тахти-Сангине не обнаружены. Возможно в данном случае мы имеем дело не с производством самих бронзовых сосудов, а с изготовлением *глиняных моделей* и составных (?) *глиняных литейных форм* для них.

В то же время Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй на основе параллелей из памятников материковой Греции утверждают наличие на теменосе храма Окса производственного комплекса, где происходила отливка бронзовых сосудов. В качестве доказательства исследователи приводят литейную форму № 2, которая, по мнению авторов, была специально помещена в наклонном положении, чтобы уменьшить вертикальное давление расплавленной бронзы и способствовать лучшему распределению металла внутри нее, как это делалось в греческих мастерских (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 64).

Но при отливке котлов не имеет смысла использовать наклонную форму, поскольку имеющийся литейный стержень собственно и принимает на себя нагрузку заливаемого металла (Демиденко, 2008. С. 31–43). Наклонное положение литейной формы № 2, скорее свидетельствует о том, что она была забракована и просто выброшена мастером.

Кроме того, анализ греческой надписи, проделанный А.С. Балахванцевым, и исследование форм керамики, обнаруженных в раскопе 18, проведенное С.Б. Болеловым, позволяют утверждать, что дата фрагментов литейных форм относится не ко второй половине II в. до н.э., а ко второй половине I – началу II в. н.э. (см. статьи в данном номере журнала).

Возможно, производственный комплекс и существовал на теменосе храма Окса в эллинистическое и юэчжийско-бактрийское время. Однако наличие фрагментов, по меньшей мере, от семи глиняных литейных форм (или от семи глиняных моделей), которые действительно могли изготавливаться в данном месте или поблизости; отсутствие явных следов производства крупных бронзовых сосудов, вероятнее всего, говорит о том, что во второй половине I – начале II в. н.э. данное помещение использовалось уже как свалка производственных отходов.

Таким образом, столь разнородный как в технологическом, так и в хронологическом отношении материал не может быть использован и в постановке проблемы взаимопроникновения китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки в Центральной Азии. К тому же в работах Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэя практически отсутствуют

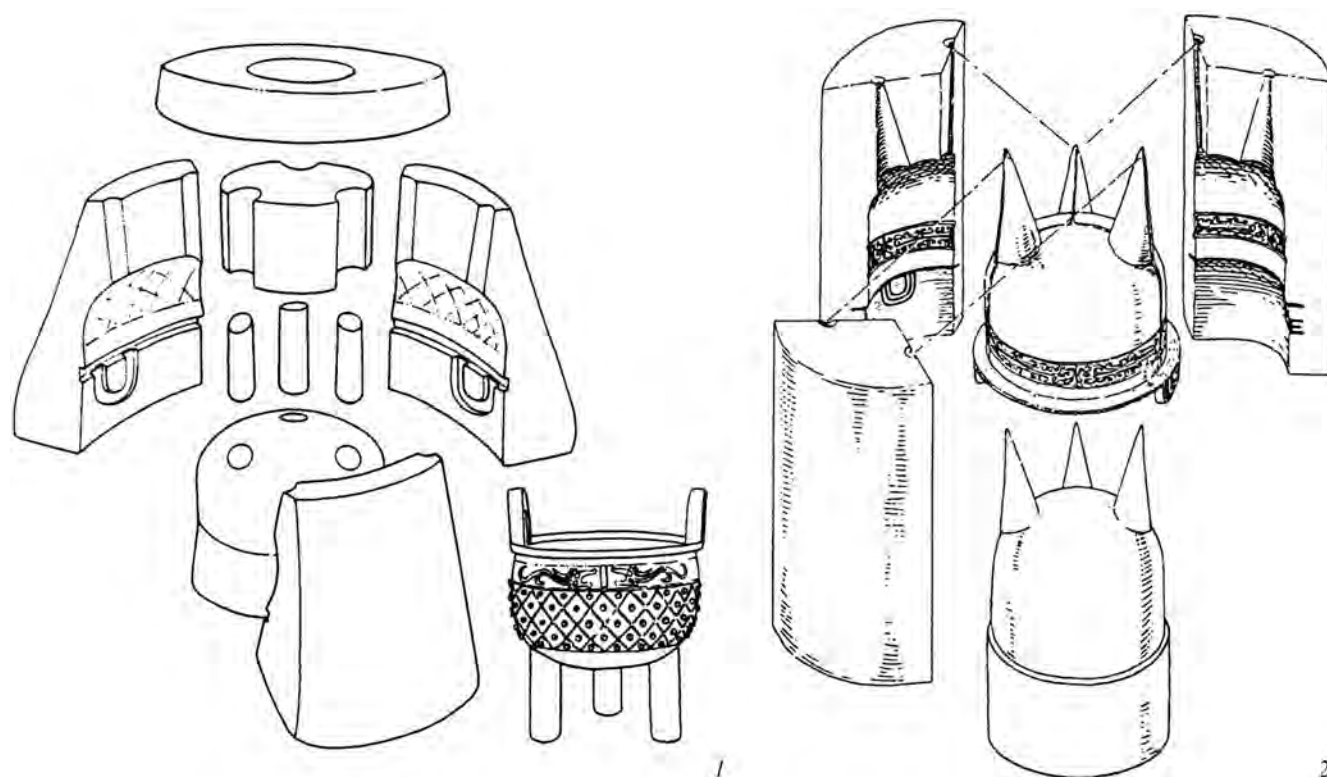

Рис. 6. Конструкции литейных форм ритуальных китайских бронзовых сосудов типа “ding”, изготовленных с использованием глиняной модели. 1 – по: Rawson, 1996; 2 – по: Brinker, 1980.

подробные характеристики упомянутых “традиций металлообработки”.

Так, “греческими” считают исследователи конструкцию бронзолитейной мастерской в Тахти-Сангине, а также использование “прямого” и “непрямого” методов литья, т.е. когда “глиняная оболочка наращивается на восковой модели” или когда по модели делались отдельные части литейной формы, которые потом состыковывались. Оба метода были известны в Греции: “прямой” в VI–V вв. до н.э.; “непрямой” – с IV в. до н.э. и в III–I вв. до н.э.”. Оба метода, как считают авторы, применялись для изготовления котлов “типа Тахти-Сангин–Бармашино” во II в. до н.э. (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 64–66).

Если учесть, что сами остатки “литейных форм” датируются второй половиной I – началом II в. н.э., а их “анalogии” вообще относятся к эпохе раннего средневековья, то рассматривать способы, которыми они были изготовлены, сравнивать с греческими и использовать в качестве доказательства проникновения “греческих традиций” не совсем корректно.

Сведений же о способах изготовления крупных металлических сосудов на территории материковой Греции, которые можно было бы сравнить со

способами изготовления котлов ранних кочевников Евразии и с литейными формами из Тахти-Сангина, авторы не приводят, опираясь в основном на данные по литью греческих статуй.

Достаточно проблематичен и тезис Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэя о проникновении китайских традиций металлообработки на территорию современного Таджикистана.

Разумеется, и мы не оспариваем утверждения, что контакты Китая со степным миром севера и запада хорошо известны, и они только усиливаются в “скифо-сакское, сарматское и греко-бактрийское время” (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 67). Может быть, и нас “никоим образом не удивило бы” проникновение китайских традиций литья, если бы оно было продемонстрировано и надежно документировано. Тезис об использовании в Китае с древнейших времен секционных литейных форм для изготовления ритуальных сосудов также не вызывает возражений. Но каким образом данный факт связан с “литейными формами” из Тахти-Сангина второй половины I – начала II в. н.э. и с котлами эпохи раннего средневековья, остается непонятным. К тому же аргумент о секционных литейных формах уже был использован авторами при

обосновании проникновения греческих традиций металлообработки на данную территорию.

Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй предлагают считать прототипом форм котлов “типа Тахти-Сангин-Бармашино” китайские ритуальные бронзовые сосуда для воды типа “jian”, изготавливавшиеся в период Чжаньго, V–III вв. до н.э. (рис. 5, B). Данное утверждение основывается только на декларируемом внешнем сходстве формы сосудов типа “jian” и формы из Тахти-Сангина, реконструированной на основе псевдоанalogий (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 67–69), но в них нет ничего общего – ни по форме, ни по технологии, ни по назначению².

Китайская же традиция или, лучше сказать, китайский способ изготовления бронзовых сосудов, в том числе и типа “jian”, предполагает отливку в составных по вертикали секционных литейных формах с применением глиняной модели, что практиковалось уже в эпохи Шань, Чжоу и в более поздние периоды (рис. 5, B; 6) (Brinker, 1980. S. 15–53; Rawson, 1996).

Хорошо известны кочевнические по форме котлы из пограничных районов Южной Сибири и Северного Китая, изготовленные в китайских традициях литья, которые отливались с использованием глиняной модели в разъемных по вертикали литейных формах (2- или 4-частных). Причем вертикальный литейный шов, проходя по всему тулову, переходил и на поддон сосуда. Данный прием хорошо прослеживается и на кочевнических котлах эпохи Чжоу (рис. 7, 5), и на котлах эпохи Хань (рис. 7, 6), и в более позднее время (Демиденко, 2008. С. 42, 43; 2014). И именно данные факты могут свидетельствовать о взаимовлиянии китайских и “степных” традиций в литейном производстве, связанном с изготовлением котлов. Котлы данных типов найдены как на территории современного Китая, в регионе Внутренней Монголии, так и в Южной Сибири (Hatakeyama, 2011; Takahama, 2011). Подобных литейных швов нет ни на одном из упомянутых Н. Бороффкой и Цзян Цзун Мэем котлов, как нет на территории современного Таджикистана ни одного китайского сосуда или кочевнического котла, изготовленного китайским способом.

Невозможно говорить и о проникновении “скифо-сакских” или “сармато-сакских” традиций металлообработки. Существует скифский способ изготовления котлов (V–IV вв. до н.э.), который

заключается в использовании цельнолитого метода (т.е. когда тулово, ручки и поддон отливаются одновременно в одной литейной форме), применении выплавляемо-выгораемой модели, а также литейного стержня эллипсовидной формы на подставке (рис. 7, 1) (Демиденко, 2008. С. 32, 33). Ни один такой котел на территории современного Таджикистана, да и вообще в Средней Азии, на сегодняшний день не найден (Yukisima, 2011).

И есть сакский способ изготовления котлов (V–III вв. до н.э.), который также заключается в использовании цельнолитого метода, применении выплавляемо-выгораемой модели, но с предохраняющей растительной конструкцией, которая перетягивается в средней части тремя веревочками. Однако литейный стержень имел полусферическую форму и состоял из двух частей, одна из которых надевалась на другую (Демиденко, 2008. С. 39, 40). Сакские котлы известны трех основных типов: на трех ножках, на поддонах (рис. 7, 3, 4) или вообще без них. Подобные котлы на территории Таджикистана также не обнаружены, они локализуются в основном в районах Семиречья, на территории современных Казахстана, Киргизии и частично в Синьцзяне (Китай) (Yagyu, 2011). Обнаруженные на Памире небольшие котелки V–IV вв. до н.э. (Литвинский, 1972. С. 47–49) свидетельствуют о контактах с сакскими племенами Семиречья и Тяньшаня, но никак не о проникновении “скифо-сакских” традиций металлообработки (Демиденко, Фирсов, 1999; Demidenko, Firsov, 2002; Литвинский, 2010. С. 470–472).

В евразийских степях существует сарматский способ изготовления котлов (II в. до н.э. – первая половина II в. н.э.), который предполагает раздельный метод литья, т.е. когда поддон приливается к тулову, но все также используется выплавляемо-выгораемая модель с предохраняющей растительной конструкцией, которая перетягивается в средней части одной веревочкой, двусоставной литейный стержень и т.д. (рис. 7, 2) (Демиденко, 2008. С. 33–39; Demidenko, 2011).

Все эти способы имеют достаточно много общих черт, которые, с одной стороны, обусловлены техническими навыками мастеров-литейщиков, необходимыми для производства данной категории изделий, но, с другой стороны, каждый из них имеет и особенные черты, обусловленные развитием традиций литейного дела в каждом из регионов Евразии.

Из всех перечисленных способов изготовления именно сарматский наиболее близок упоминавшимся котлам из Зидды, Руфигара, Ташкента и погребам

² Ритуальные сосуды типа “jian” использовались для хранения воды или в качестве зеркала (Древний Китай..., 2014. С. 39). Котлы, названные в качестве “аналогий”, использовались для приготовления пищи, о чем говорят следы копоти на их внешней поверхности.

Рис. 7. Бронзовые котлы, изготовленные разными способами литья. 1 – скифский котел, V–IV вв. до н.э. (курган Толстая Могила, Украина); 2 – сарматский котел, I – первая половина II в. н.э. (Барановка, к. 2, Волгоград, Россия); 3, 4 – сакские котлы, V–III вв. до н.э. (случайные находки, Алма-Ата, Казахстан); 3 – на трех ножках; 4 – на поддоне; 5, 6 – котлы из Северного Китая (случайные находки, Токио): 5 – VIII–V вв. до н.э.; 6 – II в. до н.э. – VI в. н.э. 1–4 – использование выплавляемо-выгораемой модели; 5, 6 – использование глиняной модели. Стрелками показан вертикальный литейный шов.

ния у оз. Боровое. Однако их разделяет достаточно большой промежуток времени – около 400 лет.

Таким образом, обнаруженные в Тахти-Сангине фрагменты венчиков глиняных моделей с надписями и фрагменты внешних стенок литейных форм с оттисками “веревочного орнамента”, датирующиеся второй половиной I – началом II в. н.э., вероятнее всего, – отходы производства и не имеют отношения к производственному комплексу предшествующих эпох, если он вообще существовал в тот период времени.

Привлекаемые в качестве “аналогий” котлы из Зидды и Руфигара изготовлены по выплавляемо-выгораемой модели с использованием утрачиваемой литейной формы. Они датируются VII – началом VIII в. Котел из Фахрабада изготовлен по глиняной модели в составной литейной форме. Он не имеет четкой датировки, хотя, возможно, также относится к гуннскому времени или эпохе раннего средневековья.

Котел из Национального музея Республики Узбекистан датируется по аналогии с котлом из погребального комплекса “у с. Щучьего (около озера Борового)” началом VI в., сходен с ним по технике литья (выплавляемо-выгораемая модель, использование веревочки), но также никакого отношения к реконструируемой “литейной форме” № 1 Н. Борофки и Цзян Цзун Мэя не имеет.

Можно с уверенностью сказать, что котлов “типа Тахти-Сангин-Бармашино” как таксонометрической единицы в принципе не существует, поскольку в Тахти-Сангине собственно котлы не найдены, а имеющиеся данные пока не позволяют достоверно реконструировать форму изготавливавшихся там сосудов.

Наконец, столь разнородный в хронологическом, типологическом и технологическом отношении материал не позволяет ставить проблему “взаимопроникновения китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки” в Центральной Азии в том виде, в котором она представлена Н. Борофкой и Цзян Цзун Мэем.

Прежде всего необходимо более тщательное изучение остатков всех найденных глиняных литейных форм, глиняных моделей, их реставрация, а уже потом – реконструкция, поиск аналогий и выявление взаимодействия различных технологических традиций.

Представляется, что истинное положение дел гораздо сложнее и требует более глубокого и развернутого исследования с привлечением большого количества материала из различных регионов Евразии.

Автор выражает признательность д-ру ист. наук, проф. Н.В. Рындиной, под чьим руководством проводилось изучение образцов в Лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова, и сотруднику Лаборатории сектора металлов ГНИИ реставрации канд. ист. наук И.Г. Равич за консультации и бескорыстную помощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К.А., Хабдулина М.К. Древности Астаны: городище Бозок. Астана: Изд. дом Сарыарка, 2011. 260 с.
- Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы. II // СА. 1971. № 3. С. 106–134.
- Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. XIII. М.; Л., 1951. С. 216–229.
- Борофка Н., Цзян Цзун Мэй. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки // ВДИ. 2011. № 4. С. 49–76.
- Демиденко С.В. Технология изготовления литых котлов и некоторые проблемы сарматской истории // Проблемы истории и культуры сарматов: Тез. докл. Волгоград, 1994. С. 65–67.
- Демиденко С.В. Типология котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии / Ред. С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев. М., 1997. С. 120–159.
- Демиденко С.В. Бронзовые котлы раннего железного века как источник по истории и культуре древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 181 с.
- Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 328 с.
- Демиденко С.В. О позднесарматских бронзовых котлах // РА. 2014. № 1. С. 26–31.
- Демиденко С.В., Фирсов К.Б. Об одном из видов бронзовых котлов Евразии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова). III Граковские чтения. Запорожье, 1999. С. 85–90.
- Древний Китай: ритуал и музыка. Бронзы и лаки из собрания музея провинции Хубэй. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2014. 47 с.
- Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л.: Аврора, 1975. 78 с.
- Засецкая И.П. О датировке погребального комплекса у озера Борового в Казахстане // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня / Ред. К.И. Ташбаева, Д.Ф. Винник. Бишкек: Илим, 1995. С. 95–110.

- Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. № 4. С. 110–131.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира”. М.: Наука, 1972. 274 с.
- Литвинский Б.А. Прилож. I. Искусство и мифологические представления кочевников Памира (середина и вторая половина I тыс. до н.э.) // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Вост. лит., 2010. С. 469–480.
- Максимов Е.К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // СА. 1966. № 1. С. 51–60.
- Минасян Р.С. Литые бронзовых котлов у народов степей Евразии (VII в. до н.э. – V в. н.э.) // АСГЭ. 1986. № 27. С. 61–78.
- Пазухин В.А. Как все же отливали сарматские котлы // СА. 1970. № 4. С. 282–284.
- Петриченко О.М., Шрамко Б.А., Солнцев Л.О., Фомин П.Д. Похождения техники литья бронзовых казанів раннього залізного віку // Нариси з історії природознавства і техніки. Вип. XII. Київ, 1970. С. 67–77.
- Спаская Е.Ю. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии // Уч. зап. Алма-Атинского гос. пед. ин-та им. Абая. Сер. гуманитар. наук. 1956. Т. XI/I. С. 155–169.
- Спаская Е.Ю. Находки медных котлов ранних кочевников Казахстана и Киргизии // Уч. зап. Алма-Атинского гос. пед. ин-та им. Абая. Сер. обществ.-политич. 1958. Т. XV (3). Вып. 2. С. 178–193.
- Якубов Ю.Я. Бронзовые средневековые котлы из Таджикистана // Материальная культура Таджикистана. Вып. 4. Душанбе: Дониш, 1987. С. 135–154.
- Якубов Ю.Я. Археологические памятники древнего Раша и Дарваза // АРТ. Вып. XXII (1982). Душанбе: Дониш, 1990. С. 291–300.
- Ярыгин С.А. К вопросу о бронзовом котле из погребения в Боровом // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 441–445.
- Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Asiens Kulturen im Wandel / Hrsg. S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach. Mannheim; Regensburg, 2009 (Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen; Bd. 36). 447 S.
- Boroffka N., Mei J. Technologietransfer in Mittelasien – chinesische, griechische und skytho-sakische Interaktion in der Gusstechnik // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2013. (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 14). S. 143–170.
- Brinker H. Bronzekunst Shang und Zhou // Kunstschatze aus China. 5000 v. Chr. bis 900 n. Chr. Neuere archäologische Funde aus der Volksrepublik China. Zürich: Kunsthau, 1980. 370 S.
- Beumer Ch. The History of Central Asia (The Age of the Steppe Warriors). V. 1. L.: I.B. Tauris, 2012. 375 p.
- Demidenko S.V. Sauromatian-Sarmatian Cauldrons // Studies on Ancient Cauldrons. Cultic or Daily Vessels in Eurasian Steppes. Tokyo: Steppe Archaeol. Soc., 2011. P. 293–339.
- Demidenko S.V., Firsov K.B. Über einen Bronzekesseltyp aus Eurasiens // Eurasia Antiqua. Bd. 8. Berlin, 2002. S. 277–294.
- Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxus-Tempel // AMIT. 2008. Bd. 40. S. 121–135.
- Drujinina A.P., Boroffka N.R. First preliminary report on excavations at Takht-i Sangin 2004 // Bull. Miho Museum. 2006. V. VI. P. 57–69.
- Hatakeyama T. Siberian Cauldrons // Studies on Ancient Cauldrons. Tokyo: Steppe Archaeol. Soc., 2011. P. 119–190.
- Ivantschik A.I. Neue griechische Inschriften aus Tacht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftlichkeit // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2013. (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 14). S. 125–142.
- Rawson J. Die rituellen Bronzegefäße der Shang- und Zhou-Perioden // Das alte China. Menschen und Götter im Reich der Mitte 5000 v. Chr. – 220 n. Chr. Zürich: Kunsthau, 1996. S. 8–58.
- Šramko B.A. Zur Frage über die Technik und die Bearbeitungszentren von Buntmetallen in der Früheisenzeit // Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa. Bratislava, 1974. S. 472–474.
- Takahama Shu. Chinese Cauldrons // Studies on Ancient Cauldrons. Cultic or Daily Vessels in Eurasian Steppes. Tokyo: Steppe Archaeol. Soc., 2011. P. 9–93.
- Yagyu T. Cauldrons of 1st Millenium B.C. in the North Tianshan Region // Studies on Ancient Cauldrons. Tokyo: Steppe Archaeol. Soc. 2011. P. 191–253.
- Yukisima K. Cauldrons in the Western Region of the Central Eurasian Steppes in the Pre-Scythian and Scythian Periods // Studies on Ancient Cauldrons. Tokyo: Steppe Archaeol. Soc., 2011. P. 255–291.

НОВАЯ НАДПИСЬ ИЗ ТАХТИ-САНГИНА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОГО ЭЛЛИНИЗМА

© 2014 г. А.С. Балахванцев

Институт Востоковедения РАН, Москва (balakhvantsev@gmail.com)

Ключевые слова: *Тахти-Сангин, храм Окса, эллинизм, греческий язык.*

The article considers an inscription on a clay form for casting a bronze cauldron which was found in the temple Oxa's yard (the settlement Takhti-Sangin, the Southern Tajikistan) in 2007. The complex paleographic analysis of the inscription and its lexical, spelling and syntactic features allows concluding that it is dated the second half of the 1st century AD. The inscription along with the other data testifies multifunctional and deep influence of Hellenism on the Central Asian community and culture. It also verifies that even after the Greek-Macedonian dynasties fall the Greek language was preserving its high prestige.

В 2007 г. в ходе раскопок во дворе храма Окса (городище Тахти-Сангин, Южный Таджикистан) была обнаружена верхняя часть глиняной формы для отливки бронзового котла, на венчике которой находилась негативная греческая надпись. Первая публикация находки появилась уже через год (Drujinina, 2008; Дружинина, 2009), однако из-за незнания А. Дружининой древнегреческого языка ее перевод пестрит многочисленными ошибками. Так, прочитав ΚΑΤΑΦΡΑΖΥΜΕΝΑ в одно слово, автор публикации посчитала, что это определение к имени божества ΟΞΟΝ (Дружинина, 2009. С. 193). Между тем последнее слово (Окс) – существительное мужского рода винительного падежа единственного числа и никак не может согласовываться с “определением” среднего рода, стоящим в винительном падеже множественного числа.

Более адекватный перевод был представлен в статье М. Вексиной (2010. С. 226–240), хотя с ее попыткой увидеть в надписи стихотворный текст согласиться невозможно. Особое значение для правильного прочтения и перевода обсуждаемой здесь надписи имели выступления и публикации А.И. Иванчика (Иванчик, 2009, 2011; Ivantchik, 2013). Согласно его мнению надпись читается и переводится следующим образом: Εἰς Ὀξον κατὰ φραζύμενα ἀνέθεσε Ἰρωμοῖς Νεμισκοῦ μόλρπαλρρς χαλκίον ἐγ τάλαντων ἐπτά – “Иромойс, сын Немиска, держатель (или под.) печати, посвятил Оксу котел из семи талантов (бронзы) согласно обещанию” (Иванчик, 2011. С. 117). Данное чтение воспроизведено и в авторитетном эпиграфическом издании

(SEG LVIII 1686). Несколько по-другому читает надпись Ж. Ружмон (Rougemont, 2012. Р. 274).

Вопрос о датировке надписи столь же важен, как ее чтение и перевод. А. Дружинина, основываясь на сопутствовавшем глиняной форме керамическом материале, датировала весь комплекс второй четвертью II в. до н.э. (Drujinina, 2008. С. 132, 133, 135). Эта точка зрения уже успела найти сторонников (Alexander..., 2009. С. 366; Wood, 2011. Р. 148; Treister, 2012. Р. 84). Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй, проанализировав керамику из раскопок 17 и 18, откуда происходит и литейная форма, пришли к выводу, что она датируется второй половиной II в. до н.э. (2011. С. 54–56). Наиболее обстоятельно вопрос о датировке был изучен в статьях А.И. Иванчика (Иванчик, 2011. С. 121–125; Ivantchik, 2013. С. 134–137), который, опираясь на палеографию надписи, керамический материал и данные радиоуглеродного анализа, посчитал, что фрагменты литейной формы датируются “второй половиной II в. до н.э., менее вероятно – первой половиной I в. до н.э.” (Иванчик, 2011. С. 123; Ivantchik, 2013. С. 135). К сторонникам датировки надписи серединой II в. до н.э. относятся и издатели *Supplementum Epigraphicum Graecum* (SEG LVIII 1686).

Однако данная точка зрения далеко не единственная. Так, если М. Вексина первоначально относилась надпись ко второй половине II в. до н.э. (2010. С. 236), то позднее она пришла к выводу, что палеография указывает на более позднее время, отстоящее от падения Греко-Бактрии не менее чем на несколько поколений (Veksina, 2012. С. 111). Наконец, П. Бернар и следующий за ним Ж. Ружмон

ΕΙΣ ΟΞΟΝ ΚΑΤΑΦΡΑΣΜΕΝΑ
 ΑΝΕΒΕ ΣΕΙΡΩΜΟΙΣ ΝΕΜΙΣΚΟΥ
 ΜΟΛΡΠΑΛΗΣ ΧΑΛΚΙΟΝ
 ΕΓ ΤΑΛΑΝΤΩΝ ΕΠΤΑ

Надпись из Тахти-Сангина в зеркальном отражении. Фото (по: Drujinina, 2008) и прорисовка.

полагают, что надпись следует датировать серединой I в. н.э. (Bernard, 2012. P. 276; Rougemont, 2012. P. 275).

Таким образом, диапазон представленных в литературе точек зрения очень широк. Между тем данный источник способен при условии его правильного датирования пролить свет на малоизученную проблему распространения и исчезновения эллинской речи на территориях к востоку от Евфрата. В связи с этим возникает объективная необходимость снова вернуться к вопросу о хронологической принадлежности тахти-сангинской надписи.

Поскольку период бытования керамики, обнаруженной вместе с литейной формой, а также использования соответствующего типа котлов рассматриваются в публикуемых здесь же статьях С.Б. Болелова и С.В. Демиденко¹, цель настоящего исследования – анализ самой надписи. Ее палеография (рисунок) характеризуется следующими чертами: квадратные формы *сигмы*, *теты*, *омикрона*; *омега* выглядит, как буква “ш” в кириллице; левая гаста *лямбды* и особенно *альфы* иногда расположена практически вертикально; нижний усик *каппы* отходит от верхнего; вогнутые боковые элементы *ню*, *мю*, *пи*, *эты*; *ро* с незамкнутой петлей. Все это позволяет отнести надпись к “монументально-курсивному письму”, выделенному еще Ю.Г. Виноградовым на материалах Восточного Ирана и Центральной Азии (Литвинский и др., 1985. С. 97–99).

Следует заметить, что формы ряда букв тахти-сангинской надписи не могут рассматриваться в качестве хроноиндикаторов. Так, аналогичное написание *альфы* и *каппы* встречается как в памятниках из Ай-Ханум середины II в. до н.э. (Canali De Rossi, 2004. P. 207–217; Rougemont, 2012. P. 215–234, 244.

Fig. 101–126, 135), так и в монетных легендах Вимы Кадфиза первой четверти II в. н.э. (Vorearachchi, 2007. P. 43. Fig. A). По этой причине основное внимание необходимо уделить именно квадратным формам и *ро* с незамкнутой петлей.

По мнению А.И. Иванчика, квадратные формы букв, аналогичные использованным в тахти-сангинской надписи, стали применяться в Бактрии уже во II в. до н.э. (2011. С. 124, 125). Действительно, впервые квадратная *сигма* (наряду с лунарной) встречается в надписи из Жига-тепе (Пугаченкова, 1979. С. 74. Рис. 12, 2), которая датируется концом III – II в. до н.э. (Литвинский, и др., 1985. С. 99; Bernard, 1987. P. 113; Canali De Rossi, 2004. P. 196; Rougemont, 2012. P. 190). Однако другие приводимые А.И. Иванчиком примеры, долженствующие подкрепить его точку зрения, вызывают серьезные возражения. Так, по меньшей мере спорной и бездоказательной выглядит попытка хронологического сближения подражаний монетам Гелиокла I, в легендах которых присутствует квадратная *сигма*, с оригинальными выпусками этого правителя². Между тем нумизматика Бактрии и соседних с ней областей дает многочисленные примеры того, что прототип и подражание могли далеко отстоять друг от друга во времени. Например, подражания тетрадрахмам Евтидема I (230–200 гг. до н.э.) выпускались в I в. до н.э. – IV в. н.э. (Смирнова, 2005. С. 172), а посмертные выпуски индо-греческого царя Гермея (90–70 гг. до н.э.) появлялись вплоть до середины I в. н.э. (Vorearachchi, 1991. P. 118–124). Отметим, что автором, как и другими исследователями, под посмертными выпусками понимаются те подражания, которые особенно близки к своим прототипам по качеству и внешнему виду (см. Смирнова, 2005. С. 171, 172).

¹ Не имея необходимости повторять систему аргументов моих коллег, лишь подчеркну их общий вывод: ни форма тахти-сангинского котла, ни сопутствовавшая литейной форме керамика не дают оснований датировать их II в. до н.э.

² Е.В. Зеймаль относил выпуск этих подражаний к концу II в. до н.э. – началу II в. н.э. (1985. С. 50).

Столь же неудачной представляется попытка А.И. Иванчика использовать в данной дискуссии две новые монеты “царя Гелиокла”, в легендах которых имеется квадратный *омикрон*. Дело в том, что тип оборотной стороны этих монет не имеет ничего общего с тетрадрахмами и драхмами Гелиокла I (Vosearachchi, 1991. P. 222–225. P. 24–26), царствовавшего в 139–129 гг. до н.э. Следует согласиться с их публикаторами, которые относят эти экземпляры к прежде неизвестному царю Гелиоклу III, правившему в I в. до н.э. (Ртвеладзе, Горин, 2011. С. 193, 194)³.

Повторяя вслед за П. Бернаром (Иванчик, 2011. С. 124. Прим. 54), что *ро* с незамкнутой петлей появляется уже во II в. до н.э., А.И. Иванчик не заметил допущенной французским исследователем неточности. В самом деле, П. Бернар обосновывает свое утверждение ссылкой на монеты Артемидора (Bernard, 2012. P. 276. Not. 932), однако, в использованной им работе (Vosearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 37) правление этого индо-греческого царя относится к 85 г. до н.э. Другие авторы предлагают еще более поздние даты, около 65–60 гг. до н.э. (Senior, MacDonald, 1998. P. 58).

Расширение круга анализируемых памятников греко-бактрийской эпиграфики за счет привлечения выполненного около 200 г. до н.э. посвящения Гелиодота Гестии (Bernard et al., 2004. P. 355. Fig. 27; Rougemont, 2012. P. 255–258), относящейся ко II в. до н.э. – I в. н.э. стеле Софита (Bernard et al., 2004. P. 236. Fig. 1; Rougemont, 2012. P. 173–182), надписей из Ай-Ханум (Rougemont, 2012. P. 200–255), а также пергаментов первой половины II в. до н.э. (Rea et al., 1994. P. 271, 278. Pl. V; Clarysse, Thompson, 2007. P. 276. Fig. 1; Rougemont, 2012. P. 191–194) наглядно демонстрирует, что всем им абсолютно несвойственны такие характерные черты тахти-сангинской надписи, как Ш-образная *омега*, квадратные формы *сигмы*, *теты*, *омикрона* и *ро* с незамкнутой петлей.

Особенно показательно сопоставление надписи из Тахти-Сангина с обнаруженным там же посвящением Атросока, датируемым или серединой (Литвинский и др., 1985. С. 102), или второй половиной II в. до н.э. (Bernard, 1987. P. 112). Ж. Ружмон не исключает для этой надписи дату в пределах III–I вв. до н.э. (Rougemont, 2012. P. 197). Палеография надписи Атросока (лунарная *сигма*, курсивная *омега*, *ро* с маленькой замкнутой петлей) не имеет ничего общего с надписью на литейной форме. А.И. Иван-

чик попытался отчасти объяснить это различие тем, что первое посвящение было процарапано на известняковом постаменте, а второе рельефно нанесено на восковую матрицу (2011. С. 121). Однако С.В. Демиденко установил, что надпись Иромоиса на самом деле была прочерчена по сырой глине. К тому же на принадлежность лапидарных надписей Восточного Ирана и Центральной Азии к одной из трех разновидностей – монументальной, монументально-курсивной и курсивной – ни характер материала, ни способ исполнения практически не влияют (Литвинский и др., 1985. С. 98–100). Если же ко всему этому прибавить тот факт, что в легендах монет греко-бактрийских и индо-греческих царей II в. до н.э. ни разу не встречаются те формы букв, которые отличают новую надпись из Тахти-Сангина, то необходимо признать, что посвящение Иромоиса не может датироваться II в. до н.э. (Это обстоятельство позволяет считать использование квадратной *сигмы* в упомянутой выше надписи из Жига-тепе индивидуальной особенностью резчика.)

Наиболее ранние аналогии квадратным буквам тахти-сангинской надписи появляются только в I в. до н.э. Так, квадратная *сигма* используется в легендах монет индо-греческого царя Антиалкида (115–95 гг. до н.э.), которые, возможно, были выпущены уже после его смерти (Vosearachchi, 1991. P. 279. Not. 24. P. 41). На монетах Теофила (около 90 г. до н.э.) наряду с круглой встречается и квадратная *тета* (Vosearachchi, 1991. P. 105, 307, 308. P. 48), а в бронзе Никия (около 90–85 гг. до н.э.) – квадратный *омикрон* и *омега* в виде кириллической “ш” (Vosearachchi, 1991. P. 106–108, 312. P. 49). На монетах индо-сакского царя Мауэса и царицы Махены (90–70-е годы до н.э.) присутствуют квадратные *омикрон*, *тета*, *сигма* и *ро* с незамкнутой петлей (Vosearachchi, 2003. P. 140. № 115), а у Спалириса (около 70 г. до н.э.) – *омега* в виде “ш” (Vosearachchi, 2003. P. 141. № 118; Widemann, 2009. P. 297–300).

Ро с незамкнутой петлей используется в чекане Артемидора (80–60 гг. до н.э.) (Senior, MacDonald, 1998. P. 55). Квадратный *омикрон* постоянно встречается в легендах монет Гиппострата (65–55 гг. до н.э.) (Vosearachchi, 1991. P. 356–360. P. 64–66), а также в посмертных сериях Гермея, выпускавшихся между 55 г. до н.э. и 40 г. н.э. (Vosearachchi, 1991. P. 121–124, 333–343). *Ро* с незамкнутой петлей присутствует на монетах города Пушкалавати, выпущенных в I в. до н.э. – I в. н.э. (Vosearachchi, 2003. P. 143. № 126), а также вместе с квадратной *сигмой* и *омегой* в виде “ш” – Гондофара I, правившего во второй четверти I в. н.э. (Vosearachchi, 2003. P. 144.

³ По мнению А.Н. Горина (которому выражаем искреннюю благодарность), этого правителя следует отличать от одноименного царя, упомянутого в работе Ф. Видемана (Widemann, 2009. P. 372).

№ 127, 128). Аналогичная *омега* использовалась и преемниками последнего – Абдагесом и Пакором – во второй половине I в. н.э. (Bopearachchi, 2003. P. 144. № 129, 130). Наконец, в надписи 94/5 г. н.э. (Bernard, 2012. P. 276) из Дашт-и Навура (Sims-Williams, Cribb, 1995/96. P. 95, 96. Fig. 9; Canali De Rossi, 2004. P. 206), первая строчка которой написана по-гречески, присутствуют квадратные *омикрон* и *мета*, а также *ро* с незамкнутой петлей.

О широком распространении в Бактрии и соседних с ней областях той разновидности монументально-курсивного письма, к которой относится и тахти-сангинская надпись, недвусмысленным образом свидетельствует еще одно обстоятельство. Присущие ей формы букв были использованы при создании бактрийского алфавита и нашли свое применение в надписи Вимы Такту из Дашт-и Навура (Sims-Williams, Cribb, 1995/96. P. 95, 96. Fig. 9; Canali De Rossi, 2004. P. 206).

Однако уже в начале II в. н.э. картина резко меняется. Так, в греческих легендах монет Вимы Кадфиза, правление которого датируется 100/105–127 гг. н.э. (Bopearachchi, 2007. P. 50; 2008. P. 52), используются только круглый *омикрон*, курсивная *омега*, лунарная *сигма* и *ро* с замкнутой петлей (Bopearachchi, 2007. P. 43. Fig. A; 2008. P. 8, 9, 12, 22). В одной из самых поздних греческих надписей Бактрии – приписке Паламеда, выполненной в эпоху Канишки I (127–150 гг. н.э.), *омикрон* также имеет круглую форму (Canali De Rossi, 2004. P. 200). Таким образом, палеография позволяет поместить надпись на литейной форме из Тахти-Сангина в пределах I в. до н.э. – I в. н.э.

Впрочем, анализ лексики, синтаксиса и орфографии надписи позволяет значительно сузить эти рамки. Начнем с титула донатора – $\mu\omicron\lambda\rho\pi\alpha\rho\eta\varsigma$. Этот апеллятив имеет бактрийское происхождение и означает “хранитель / держатель печати” (Иванчик, 2011. С. 117; Лурье, 2012. С. 26). Аналогичное должностное лицо *mwdrwrt* – “накладывающий печать” – существовало при парфиях и в Старой Нисе (Diakonoff, Livschits, 2001. P. 197). Однако, несмотря на наличие в нашем распоряжении большого количества документов греко-бактрийского времени (Rea et al., 1994. P. 271, 278; Rougemont, 2012. P. 216–236), в них нет и намек на возможность существования в эту эпоху бактрийских наименований для должностных лиц. Деловая лексика этих текстов исключительно греческая, например $\epsilon\sigma\phi\rho\acute{\alpha}\gamma\iota\sigma\tau\alpha\iota$ (Rougemont, 2012. № 101, 104,

105, 114, 115, 118–120), $\eta\mu\acute{\iota}\omicron\lambda\omicron\varsigma$ (Rougemont, 2012. № 120)⁴, $\lambda\omicron\gamma\epsilon\upsilon\tau\eta\varsigma$, $\epsilon\pi\iota\ \tau\omicron\omega\nu\ \pi\rho\omicron\sigma\acute{o}\delta\omega\nu$ или $\nu\omicron\mu\omicron\phi\acute{\upsilon}\lambda\alpha\chi$ (Rea et al., 1994. P. 263, 265, 266; Rougemont, 2012. P. 191, 192). Если бы тахти-сангинское посвящение действительно относилось ко II в. до н.э., то в нем вместо $\mu\omicron\lambda\rho\pi\alpha\rho\eta\varsigma$ ожидалось бы $\sigma\phi\rho\alpha\gamma\iota\sigma\tau\eta\varsigma$ или $\sigma\phi\rho\alpha\gamma\iota\delta\omicron\phi\acute{\upsilon}\lambda\alpha\chi$ – “хранитель печати” (A Greek-English Lexicon, 1996. P. 1742). Бактрийский титул, представляющий собой прямую кальку с греческого, мог появиться только после падения Греко-Бактрии и завершения периода “варварской оккупации”, когда во второй половине I в. н.э. стали формироваться основы кушанской государственности и бюрократической номенклатуры.

Имеющиеся в надписи погрешности против правил греческой орфографии и синтаксиса (Иванчик, 2011. С. 112–117; Ivantchik, 2013. S. 126–130) также способны пролить дополнительный свет на ее датировку. Дело в том, что греческие тексты II в. до н.э., к составлению которых были причастны бактрийцы, будь то посвящение Атросока или остраки из Ай-Ханум, стоят выше любой критики. Исчерпывающим образом об этом высказался Ю.Г. Виноградов: “Орфография надписи (Атросока. – А.Б.), выдержанная в нормах койне, безупречна” (Литвинский и др., 1985. С. 94).

Нисколько не противоречат нормам греческого языка и монетные легенды индо-греческих и индосакских царей II–I вв. до н.э. Лишь в одной серии Спалириса слова ΒΑΣΙΛΕΩΝ и ΒΑΣΙΛΕΩΣ перепутаны местами (Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 168. № 699–701). Однако в I в. н.э. ситуация в этой области значительно ухудшается. Так, сильному искажению подверглись греческие легенды на относящихся ко второй четверти I в. н.э. медных монетах сатрапов Джихоники (Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 200. № 973, 974; Bopearachchi, 1998. P. 395, 401), его современника Харахоста (Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 200. № 975) и некоторых посмертных выпусках (группы 8–10) Гермей (Bopearachchi, 1998. P. 395). Ошибки встречаются в написании титула Гондофара I (Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 204. № 996–998), его преемников Абдагеса (Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 204. № 999–1002), Пакора (Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 206. № 1003–1005) и Ортагна (Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 206. № 1006), а также захватившего в 92/7–110 гг. н.э. кушанский трон узурпатора, известного как Сотер Мегас (Sachs, 2003. P. 174; Bopearachchi, 2007. P. 50).

⁴ О дискуссиях, возникающих вокруг понимания этого термина, см. Bernard, 2011. P. 110; Rougemont, 2012. P. 230. Not. 808, 810.

Таким образом, комплексный анализ палеографии посвяtitельной надписи из Тахти-Сангина, а также особенностей ее лексики, орфографии и синтаксиса позволяет прийти к выводу, что она датируется второй половиной I в. н.э.

Переходя теперь к рассмотрению судеб греческого языка на эллинистическом Востоке, приходится с сожалением констатировать, что прямых данных о том, насколько и какие местные жители владели им, нет, если не считать отмеченного риторическим преувеличением восклицания Плутарха, согласно которому в Азии стали читать Гомера, а дети персов, сузианцев и гедросов – играть в трагедиях Еврипида и Софокла (Plut. De fort. Al. I.5). Тем не менее решение этого вопроса становится возможным, если проанализировать степень вовлеченности представителей восточных народов в те сферы государственных, общественных и межличностных отношений, где без знания в той или иной степени греческого языка просто было нечего делать.

Начнем с проникновения жителей Востока в армию и административный аппарат селевкидского и греко-бактрийского государств. Уже Александр, допустив представителей восточных (в первую очередь иранских) народов в армию, запустил тем самым процесс их “эллинизации” (Шахермайт, 1986. С. 298): иранские рекруты стали осваивать греческий язык и письмо (Plut. Al. 47.6). Эта политика нашла своих продолжателей в лице Селевкидов (подробнее см. Балахванцев, 2014). Разумеется, степень владения греческим языком среди рядовых воинов была весьма различна. Многие знали его очень плохо, и тогда верховному командованию приходилось прибегать к помощи переводчиков, как это было в битве при Рафии (Polyb. 5.83.7). Однако так дело обстояло далеко не всегда. В 244/3 г. до н.э. (Elwyn, 1990. Р. 180) группа селевкидских воинов-персов под командованием Омана получила гражданские права в Смирне (OGIS 229, 104–105; см. также: Ранович, 1950. С. 103; Бикерман, 1985. С. 62. Прим. 138; Walbank, 1993. Р. 131). Поскольку греческие -ο и -ω передают иранское *vahu*, то имя офицера следует восстановить как ср.-перс. *Vahuman*, т.е. Добромысл (Грантовский, 2007. С. 92, 241). Данный факт недвусмысленно свидетельствует о том, что Оман и его солдаты хорошо владели греческим языком, в противном случае говорить о включении их в состав гражданского коллектива было бы абсолютно невозможно. Не хуже, а то и лучше Омана и его людей, знал греческий мидиец Сарапион, сын Деметрия (SEG XVIII. 450, 9–10). Об этом говорят как его эллинское имя и патронимик, так и то место, где он окончил свою жизнь – город Иасос в Кари.

Если для рядовых солдат и младших офицеров знание греческого было далеко не лишним, то для восточных аристократов, стремившихся к командным постам и наместничествам, это было просто необходимо. Так, из селевкидской практики известно, что в 246 г. до н.э. пост стратега Киликии занимал иранец Арибаз (Piejko, 1990. Р. 14, 21. Not. 11), а в 214 г. до н.э. его тезка и соотечественник исполнял обязанности градоначальника в Сардах (Polyb. 7.17.9, 18.4–5, 7). Градоначальником Урука в 244 г. до н.э. был вавилонянин Ануубаллит-Никарх (Саркисян, 1976. С. 193), а в 202 г. до н.э. эту должность занимал Ануубаллит-Кефалон (Саркисян, 1976. С. 194). В 217 г. до н.э. в битве при Рафии мидиец Аспасиан командовал корпусом, состоявшим из пяти тысяч иранцев (Polyb. 5.79.7).

В конце правления Антиоха III стратегами Армении были Артаксий и Зариандр, иранские имена которых говорят сами за себя (Strabo. 11.14.5). Что же касается Артаксия, то, судя по его надписям, он принадлежал к знатному персидскому роду Оронтидов (Тирацян, 1980. С. 102)⁵. Антиох IV назначил эпархом Месены Гиспаосина, сына Сагдодонака (Plin. NH. 6.139), который, судя по имени, был человеком иранского и, возможно, даже бактрийского происхождения (историю вопроса см. Nodelman, 1960. Р. 86; Bernard, 1985. Р. 135–136; Boiy, 2004. Р. 169. Not. 155). В конце правления Антиоха IV эпистатом Коммагены был Птолемей (Diod. 31.19a), возводивший свое происхождение к уже упоминавшемуся роду Оронтидов (Sullivan, 1977. Р. 736, 743). Накануне парфянского вторжения в Вавилонию пост ее стратега занимал Ардайя (Sachs, Hunger, 1996. -144 'Obv. 35'–37'). Поскольку в вавилонской клинописи при написании иранских имен встречается передача иранского глухого через аккадский звонкий (Грантовский, 2007. С. 100, 102), можно предположить, что это иранское имя *Artauya – герой (Грантовский, 2007. С. 298), которое было известно уже Геродоту (Hdt. 7. 22, 61). В 141 г. до н.э. Митридат I назначил командующим войсками в только что захваченной парфянами Вавилонии Антиоха, сына Арьябузана (Sachs, Hunger, 1996. -140 C'Rev. 30'). Около 140 г. до н.э. селевкидским правителем Месопотамии был мидиец Дионисий (Diod. 33.28).

Естественно, что представители восточных народов еще более массово были представлены на низших уровнях государственного аппарата. Так, Г.Х. Саркисян насчитал среди урукитов 35 человек

⁵ Вопреки мнению автора, который склонен более доверять баснословным утверждениям Моисея Хоренского, чем эпиграфическим данным, сомневаться в справедливости прямого заявления Артаксия о его принадлежности к роду Оронтидов нет никаких оснований.

с греческими именами, обладатели которых занимали различные административные должности в урукской общине (1976. С. 184, 214). Материалы из Ай-Ханум свидетельствуют о службе в дворцовой сокровищнице бактрийцев Оксебоака (Rougemont, 2012. № 101, 102), Оксубадза (Rougemont, 2012. № 101), Арианда (Rougemont, 2012. № 103, 124), Тарза, или Парза (Rougemont, 2012. № 106), Ксатранна и Умана (Rougemont, 2012. № 121). Кроме того, из храма с уступчатыми нишами известны еще два граффити с иранскими именами (Rougemont, 2012. № 139, 142).

Столь же весомое свидетельство распространения греческого языка среди жителей Востока – практика заключения межэтнических браков. Так, в браки с иранками вступают сам Александр, его приближенные и даже простые воины (Diod. 17.107.6; Curt. 10.3.11–12; Arr. Anab. 7.4.4–8; Plut. Al. 70.3). Позднее, в селевкидский период гречанка Антиохида, дочь Диофанта, стала женой правителя Урука Ануубаллита-Кефалона (Саркисян, 1976. С. 187, 210–211), а Дионисия, дочь Гераклида, вышла замуж за вавилонянина Анубелшуну (Саркисян, 1976. С. 189, 190). Кроме этих случаев в Уруке отмечено еще несколько смешанных браков (Саркисян, 1976. С. 207). Смешанные браки между колонистами и местными арамейскими женщинами зафиксированы и в Дуре-Эвропос (Дандамаева, 1985. С. 166).

Суммированные выше данные неопровержимо доказывают, что в эллинистическую эпоху греческий язык был достаточно широко распространен среди местного населения. Овладение им давало жителям Востока возможность приобщиться к эллинской культуре, получить гражданские права в одном из полисов, сделать карьеру на военной или гражданской службе. Эпиграфические материалы, имеющие отношение к иранцам, позволяют говорить о довольно высоком уровне знания греческого языка у их создателей.

Период поступательного развития греческого языка на Востоке закончился в 20-х годах II в. до н.э., когда практически одновременно Селевкиды окончательно потеряли надежду вернуть себе Месопотамию и Западный Иран, а Греко-Бактрия рухнула под ударами кочевников. Как известно, к западу от пустыни Деште-Кевир греческий продолжал существовать вплоть до середины III в. н.э., но какова была его судьба в Восточном Иране и Центральной Азии? Новая надпись из Тахти-Сангина позволяет серьезно углубить наши представления по этому вопросу, которые до недавнего времени зависели только от лаконичных монетных легенд и эдиктов Великих Кушан.

Да, с одной стороны, на территории, некогда управлявшейся греко-бактрийскими царями, происходит резкое сокращение количества носителей греческого языка и заметно снижается качество его использования. Все это, в конце концов, закономерно приводит к тому, что на базе греческой письменности уже в конце I в. н.э. возникает бактрийская, которая в начале царствования Канишки приобретает официальный характер (Sims-Williams, Cribb, 1995/96. Р. 110, 111). Однако при этом не стоит забывать о другой стороне медали. Несмотря на падение династий греко-македонского происхождения, греческий язык сохранял свою высокую престижность. Он продолжал использоваться в монетных легендах, на нем даже в начале правления Канишки издавались царские эдикты (Sims-Williams, Cribb, 1995/96. Р. 78; Sims-Williams, 2004. Р. 56). Именно поэтому бактриец Иромоес пожелал, чтобы пожертвованный им в храм Окса котел украшала пусть и безграмотно выполненная, но греческая надпись. Все это еще раз подтверждает правильность сделанного Б.А. Литвинским вывода о многофакторном и достаточно глубоком воздействии эллинизма на центральноазиатское общество и культуру (Литвинский, 2010. С. 468).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балахванцев А.С. Восточная политика Александра Македонского и Селевкидов: разрыв или преемственность? // Древнейшие государства Восточной Европы. М.: Наука, 2014. С. 290–316.
- Бикерман Э. Государство Селевкидов. М.: Наука, 1985. 264 с.
- Бороффа Н., Цзян Цзун Мэй. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки // ВДИ. 2011. № 4. С. 49–76.
- Вексина М. Лингви[ни]стический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда // АРТ. Вып. 34. Душанбе, 2010. С. 226–240.
- Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Вост. лит., 2007. 510 с.
- Дандамаева М.М. Греки в эллинистической Вавилонии (По данным просопографии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 155–175.
- Дружинина А. Находка посвятельной надписи из храма Окса // Наследие предков. 2009. № 12. С. 191–195.
- Зеймаль Е.В. Древние монеты // Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе: Дониш, 1985. С. 44–58.
- Иванчик А.И. К вопросу о языковой ситуации в эллинистической Бактрии: новые данные из Тахт-и Санги-

- на // Древность: историческое знание и специфика источника. Вып. IV / Ред. А.С. Балахванцев. М., 2009. С. 43.
- Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. № 4. С. 110–131.
- Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Вост. лит., 2010. 664 с.
- Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84–110.
- Лурье П.Б. Согдийские бусы на “Крыше Мира” // Восток (Oriens). 2012. № 1. С. 23–28.
- Пугаченкова Г.А. Жига-тепе (раскопки 1974 г.) // Древняя Бактрия. Вып. 2 / Ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1979. С. 63–94.
- Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
- Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н. Эллинистические монеты Кампыртепа // ВДИ. 2011. № 4. С. 180–210.
- Саркисян Г.Х. Греческая ономастика в Уруке и проблема *Graeco-Babyloniaca* // Древний Восток. 2 / Ред. Н.В. Арутюнян, И.М. Дьяконов, Г.Х. Саркисян. Ереван: АН АрмССР, 1976. С. 181–217.
- Смирнова Н.М. Греко-бактрийские и индо-греческие монеты из собрания Государственного Эрмитажа // Нумизматика и эпиграфика. XVII. М.: Прогресс, 2005. С. 139–180.
- Тиранян Г.А. Еще одна арамейская надпись Арташеса I, царя Армении // ВДИ. 1980. № 4. С. 99–104.
- Шахермайр Ф. Александр Македонский. М.: Наука, 1986. 384 с.
- Alexander der Große und die Öffnung der Welt. Asiens Kulturen im Wandel / Hrsg. M. Grötsch, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach. Mannheim; Regensburg, 2009 (Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen; Bd. 36). 447 S.
- Bernard P. Fouilles d’Aï Khanoum. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d’histoire gréco-bactrienne. Paris: de Boccard, 1985. 181 p.
- Bernard P. Le Marsyas d’Apamée, l’Oxus et la colonisation séleucide en Bactriane // Studia Iranica. 1987. T. 16 (1). P. 103–115.
- Bernard P. The Greek Colony at Aï Khanum and Hellenism in Central Asia // Afghanistan: Crossroads of the Ancient World / Eds F. Hiebert, P. Cambon. L.: British Museum Press, 2011. P. 81–129.
- Bernard P. Quelques réflexions sur la date du chaudron en bronze de Takht-i Sangin // Rougemont G. Inscriptions grecques d’Iran et d’Asie centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum). L.: School of Oriental and African Studies, 2012. P. 276.
- Bernard P., Pinault G.-J., Rougemont G. Deux nouvelles inscriptions grecques de l’Asie centrale // J. Savants. 2004. P. 227–356.
- Boiy T. Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven; Paris; Dudley, MA: Peeters, 2004. 385 p.
- Bopearachchi O. Monnaies Gréco-Bactriennes et Indo-Grecques. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 459 p.
- Bopearachchi O. Indo-Parthians // Das Partherreich und seine Zeugnisse: Beiträge des internationalen Colloquiums, Eutin (27–30 Juni 1996). Stuttgart: Steiner, 1998. S. 389–405.
- Bopearachchi O. Indo-Grecs, Indo-Scythes et Indo-Parthes // De l’Indus à l’Oxus. Archéologie de l’Asie Centrale / Eds O. Bopearachchi, C. Landes, C. Sachs. Paris: Association IMAGO – musée de Lattes, 2003. P. 129–168.
- Bopearachchi O. Some Observations on the Chronology of the Early Kushans // Res Orientales. 2007. V. XVII. P. 41–52.
- Bopearachchi O. Les premiers souverains kouchans: chronologie et iconographie monétaire // J. Savants. 2008. P. 3–56.
- Bopearachchi O., Aman ur Rahman. Pre-Kushana Coins in Pakistan. Karachi, 1995. 237 p.
- Canali De Rossi F. Iscrizioni dello Estremo Oriente Greco. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2004. 410 p.
- Clarysse W., Thompson D.J. Two Greek Texts on Skin from Hellenistic Bactria // ZPE. 2007. Bd. 159. P. 273–279.
- Diakonoff I.M., Livschits V.A. Parthian Economic Documents from Nisa (Corpus Inscriptionum Iranicarum). L.: School of Oriental and African Studies, 2001. 215 p.
- Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // AMIT. 2008. Bd. 40. S. 121–135.
- Elwyn S. The Recognition Decrees for the Delphian Soteria and the Date of Smyrna’s Inviolability // JHS. 1990. V. 110. P. 177–180.
- A Greek-English Lexicon / Compiled by H.G. Liddel, R. Scott. Revised and augmented throughout by Sir H.S. Jones. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2042 p.
- Ivantchik A.I. Neue griechische Inschriften aus Takht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftlichkeit // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien / Hrsg. G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2013 (AMIT; Bd. 14). S. 125–142.
- Nodelman S.A. A Preliminary History of Characene // Berytus. 1960. V. XIII (2). P. 83–121.
- Piejko Fr. Episodes from the Third Syrian War in a Gurob Papyrus, 246 B.C. // Archiv für Papyrusforschung. 1990. Bd. 36. S. 13–27.
- Rea J.R., Senior R.C., Hollis A.S. A Tax Receipt from Hellenistic Bactria // ZPE. 1994. Bd. 104. S. 261–280.

- Rougemont G.* Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum). L.: School of Oriental and African Studies, 2012. 326 p.
- Sachs A.J., Hunger H.* Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. V. III. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1996. 517 S.
- Sachs C.* Soter Megas // *De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale* / Eds O. Bopearachchi, C. Landes, C. Sachs. Paris: Association IMAGO – musée de Lattes, 2003. P. 174–175.
- Senior R.C., MacDonald D.* The decline of the Indo-Greeks. Athenes: Monographs of the Hellenic Numismatic Society, 1998. 71 p.
- Sims-Williams N.* The Bactrian Inscription of Rabatak: A New Reading // *BAI*. 2004. V. 18. P. 53–68.
- Sims-Williams N., Cribb J.* A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // *Silk Road Arts and Archaeology*. V. 4. Kamakura, 1995/96. P. 75–127.
- Sullivan R.D.* The Dynasty of Commagene // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Bd. II. 8. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1977. P. 732–798.
- Treister M.* Silver phalerae with a depiction of Bellerophon and the Chimaira from a Sarmatian Burial in Volodarka (Western Kazakhstan). A reappraisal of the question of the so-called Graeco-Bactrian style in Hellenistic toreutics // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2012. V. 18. № 1. P. 51–109.
- Veksina M.* Zur Datierung der neuen Weihinschrift aus dem Oxos-Tempel // *ZPE*. 2012. Bd. 181. S. 108–116.
- Walbank F.W.* The Hellenistic World. L.: Harvard University Press, 1993. 288 p.
- Widemann F.* Les successeurs d'Alexandre en Asie centrale et leur héritage culturel. Paris: Riveneuve éditions, 2009. 527 p.
- Wood R.* Cultural convergence in Bactria: the votives from the Temple of the Oxos at Takht-i Sangin // *From Pella to Gandhara: Hybridisation and Identity in the Art and Architecture of the Hellenistic East* / Eds A. Kouremenos, S. Chandrasekaran, R. Rossi. Oxford: Archaeopress, 2011 (BAR International Series 2221). P. 141–151.